

Ба 255464

жизненная способность теряется гораздо скорее, чѣмъ въ полномъ, не встревоженномъ, въ цѣльномъ веществѣ молокъ. Точно тоже, и давно уже, и всѣми замѣчено касательно икры: икра лишается жизнеспособности, коль скоро пленка, или такъ называемая рубашка, или ястыкъ, однимъ словомъ облегающая всю икру перепонка будетъ разорвана и крупинки, зернышки икры будутъ проникнуты водою. По этому-то ученые и вывели то правило, что при искусственномъ оплодотвореніи необходимо соединять икру съ молоками, не теряя ни минуты времени: малѣйшее промедленіе можетъ испортить все дѣло.

Занимающіеся искусственнымъ размноженіемъ рыбы, естествоиспытатели, путемъ своихъ опытовъ и наблюденій, пришли къ тому же, что и ученые рыбаки. умозаключенію, что не вся икра, заключающаяся въ рыбѣ, одновременно бываетъ годна для оплодотворенія. Рыба въ свободномъ состояніи употребляетъ по нѣскольку дней на метаніе икры и выкидываетъ ее въ нѣсколько приемовъ. Теперь постановлено за правило смѣшивать между собою только тѣ зерна икры и тѣ капли молокъ, которыя выходятъ изъ рыбы «почти» сами собою, «почти» добровольно, только при небольшомъ «подавливаніи». Чтoby имѣть рыбу всегда подъ рукою, но на свободѣ, естествоиспытатели держатъ ее «на привязи». Рыба свободно разгуливаетъ въ рѣкѣ, только ей просунуть въ ротъ изъ-подъ жаберъ веревочку или снурочикъ, да и привяжутъ къ колышку. Увѣряютъ, что это нисколько рыбу не беспокоитъ, и что рыба обрѣтается въ благополучномъ здравіи, всегда въ нормальномъ состояніи, всегда въ веселомъ расположеніи духа. Естественное выметываніе икры естествоиспытатели замѣняютъ насильственнымъ, или, по ихъ мнѣнію, «почти» добровольнымъ «доушемъ» по мѣрѣ того, какъ икра и молоки достигаютъ надлежащей зрѣлости.

Еслибъ намъ захотѣлось здѣсь, въ Петербургѣ, развести осетровъ—это вещь совершенно возможная. Стоитъ отгородить въ Малой Невкѣ особое отдѣленіе, привезти пару живыхъ осетровъ, одного съ молоками другого съ икрой, поддержать ихъ пока въ прудѣ Лѣтняго Сада, нѣсколько разъ «почти» добровольно подонть, перемѣшать икру съ молоками, бросить ее въ Малую Невку, потомъ обоихъ осетровъ употребить на хорошей объѣдъ и потомъ лѣтъ пятьдесятъ подождать: все брошенныя въ Малую Невку зернышки икры превратятся въ миллионы саженныхъ здоровенныхъ осетровъ, отъ этихъ осетровъ наплодятся миллиарды осетриковъ... и Богъ знаетъ до какихъ блистательныхъ результатовъ можно довести расчитыванье на бумагѣ, была бы только охота.

Искусственное оплодотвореніе и разведеніе рыбныхъ породъ мысль великая, и по теоріи кажущаяся весьма удобоисполнимою: но всегда ли то, что умно и благо по теоріи, оказывается умнымъ и благимъ въ практикѣ?

БЪЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИЧЕСКИХЪ ОПИСАНИЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ПОВЪРЬЯХЪ

Статья П. М. Шпилевскаго.

10. ЗОЛОТАЯ ЩУКА **

Преданіе Витебской губернии.

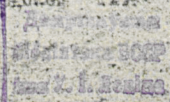
За рѣкой за Двиной, на высокой горѣ, среди дубовыхъ лѣсовъ, — вѣтвистыхъ кленовъ, стоялъ замокъ не замокъ, домъ не домъ, ну и не хатка простая или хижинка какая, не хочу солгать, хоть и можно въ сказкѣ приврать, — *острогъ-кльтушка*, говорятъ старые люди: — это тоже, что жилое зданіе древнихъ бѣлорусскихъ богатырей, небольшихъ родовыхъ князей... Въ этомъ-то острогѣ-кльтушкѣ жилъ съ незапамятныхъ временъ удалецъ-молодецъ Сеня-Князекъ, по прозванію рыбачокъ: такъ прозвали его, потому что рыболовствомъ потѣшаться любилъ... Жилъ онъ не одинъ: съ нимъ жила его родственница, Кочерга; да бѣда вишь-колдунья и знахарка была она такая, что всѣ боялись ее, пуще Бабы-Яги или злой сестры ея Ягаги...

Сеня-Князекъ былъ молодецъ хоть куда: слылъ удалствомъ и молодецествомъ на всю землю Бѣлорусскую; не одна красавица княжна и не княжна желала быть его женой... Одну изъ такихъ княженъ Кочерга вздумала просватать за Сеню-Князька безъ спроса-согласія его. Ну, конечно, Князьку-молодцу не понравилась распорядительность такая Кочерги и, чтобъ отклонить затѣи ея, напрямикъ сказалъ, что любить иную княжну, ту, что живетъ по другую сторону Двины, близъ земли Кривичей, на горѣ въ Сосновомъ Борѣ.

* Первая статья помѣщена въ *Пантеонѣ*, 1853 г. №№ 4, 5, 6 и 7.

** Щука въ бѣлорусскихъ сказкахъ играетъ важную роль, и всегда является какою-то могущею, спасительницею или повелительницею.

255464
Бел. архив



Оскорбилась Кочерга, что Князекъ не хотѣлъ избрать въ жены себѣ ту княжну, которую просватала она за него... Но Сеня-Князекъ непреклоненъ былъ въ своемъ намѣреніи... Измѣнить любимой княжнѣ ни за какія сокровища земли не согласился: такъ любилъ соседку-красавицу изъ Сосноваго Бора...

На другой день онъ объявилъ, что отправляется на ту сторону Двины, повидаться съ любимой княжной, и что чрезъ нѣсколько недѣль возвратится съ женой...

Кочерга съ гнѣвомъ грозила ему страшнымъ наказаніемъ...

Что будетъ, то будетъ! сказалъ самъ себѣ Сеня-Князекъ, и отправился за Дзину въ Сосновый-Боръ.

Обрадовалась княжна посѣщенію Князька-Рыбачка и на радостяхъ не знала, что сказать ему въ отвѣтъ на вопросъ о перѣздѣ въ островъ-кѣштушку... Князекъ-Сеня рассказалъ княжнѣ про горе свое и просилъ ее согласиться на предложеніе быть женою его... Княжна долго не думала, и какъ сиротка-одинокая предпочла лучше быть женою любимаго рыбачка, чѣмъ скучать въ Сосновомъ-Бору.

Гостилъ три недѣли Сеня-Князекъ у княжны; наконецъ вмѣстѣ съ женою отправился въ родовую замкъ-острогъ — похвалиться предъ Кочергой красавицей княжной, умницей женой...

Кочерга и слушать не хотѣла никакихъ оправданій... Принять приjala молодыхъ да не поздоровилось имъ въ родовомъ оселницѣ: колдунья задумала сгубить со свѣту красавицу княжну...

Прошло нѣсколько дней, Кочерга не показываетъ и виду, что за думу думаетъ, и какъ будто ласково обращается съ женою Сени-Князька... Сеня-Князекъ успокоился и по-прежнему сталъ ходить на рѣку ловить рыбу.

Вотъ однажды съ разсвѣтомъ дня, разъѣзжаетъ Князекъ на челнокѣ по Двинѣ-рѣкѣ и закидываетъ небольшую сѣть, чтобъ наловить къ обѣду любимой рыбки двинской... Заколебалась сѣть въ рѣкѣ, запылились поверхи рѣки, стали показываться пузырьки и являться безчисленные кружки вслѣдъ челнока... Вытащилъ Князекъ-Рыбачокъ сѣть изъ рѣки, посмотреть—рыбы не перечесть; обрадовался Князекъ такой счастливой ловлѣ и поплылъ къ берегу; сталъ выкидывать изъ сѣти рыбу—вотъ ужъ всю почти выкинулъ: глядъ—на днѣ сѣти преогромная Щука съ золотой чешуею, алмазной головой и огненнымъ хвостомъ...

Изумленный такимъ видѣніемъ, Князекъ-Рыбачокъ самъ не зналъ, что дѣлать... Долго думалъ да ничего придумать не могъ... Изъ такой думы вывела его Щука сама, такъ проговоривъ къ нему:

«Ахъ молодець-удалець, Сеня-Князекъ-Рыбачокъ, брось челнокъ»

опять въ рѣку, а не такая рыба, чтобъ меня можно было кушать... Если отпустишь меня на волю, я отблагодарю тебя достойно; помогу твоему горю... Все знаю я: знаю, что не влюбила тебя Кочерга, знаю, что сдѣлала она сегодня съ твоей красавицей женой... Ты сталъ рыбу ловить, а она напоила твою княжну приворотнымъ зельемъ изъ бѣлой руты и зачаровала ее бѣдную: не увидишь жены своей, какъ воротиться домой; ее ужъ нѣтъ въ острогѣ; отослала Кочерга въ подводное царство къ Водовику—Ноготку... Сидишь домой, Сеня-молодецъ, и поймай тамъ *чернаго пѣтушка* съ золотистымъ чубкомъ... Поймаешь, счастье твое: ты успѣешь освободить свою княжну изъ подводнаго царства.

Залился слезами отъ вѣсти такой Князекъ—Рыбачокъ: сталъ горевать и тужить о несчастной судьбѣ своей... Но дѣлать нечего... Нужно было сдѣлать домой — поймать чернаго пѣтушка, по совету Шукирыбы.

* Благодарю тебя, добрая Шука-Золотая, сказала наконецъ Князекъ, нащадкавшись вдоволь; благодарю тебя за твое обѣщаніе помочь моему горю... Плыви съ Богомъ по Двинѣ широкой, быстрой рѣкѣ... Не обмань только меня: я приду сюда на берегъ къ рѣкѣ завтра съ чернымъ пѣтушкомъ... постараюсь принять его; а не разъ кормилъ его золотистымъ пшеничнымъ зерномъ, накормлю его и теперь, приласкаю и принесу тебѣ, Золотая—Шука—Рыба.

— Не обману я тебя, добраго молодца, отвѣчала Шука; поспѣши только сейчасъ же поймать чернаго пѣтушка, и къ закату солнца сюда прийти... теперь дома нѣтъ твоей Кочерги, она пошла въ гости въ сосѣдній каменный замокъ, къ такой же знахаркѣ—колдунѣ, какъ и сама она... ; тамъ пробудетъ она до вечерней зари... Поспѣши же, князекъ—Рыбачекъ поскорѣе домой и поймай пѣтушка, а не то я не помощница тебѣ...

Сказавъ это, Шука взмахнула огненнымъ хвостомъ, и Князекъ бросилъ ее въ рѣку...

Пошелъ Сеня—Князекъ домой... У воротъ встрѣчаетъ его любимый пѣтушокъ, весь черный, съ золотистымъ чубкомъ; приласкалъ Рыбачокъ пѣтушка и взявъ его на руки понесъ въ палаты; тамъ накормилъ его всякимъ зерномъ, и, не думая долго, спряталъ его въ клетку въ своей *бесподкѣ*...

Обходилъ бѣдняжка-Сеня всѣ палаты острога: вѣтъ и слѣду княжны; только горестъ печальная плуце и плуце забрадывалась въ его душу, при видѣ терема жены... все тамъ напоминало ему о любимой красавицѣ княжнѣ... и одежда ея, и рукодѣлье ея: нестало только са-

шой-княжны... Долго, долго горевалъ Князекъ, глядя на комнатку княжны: чуть было не забылъ о приказаніи. Щуки-Золотой явиться къ за-кату солища на берегъ рѣки.. И забылъ бы, можетъ быть, да пѣтушокъ напомнилъ ему о себѣ, прокричавъ кукареку. Тутъ опомнился Князекъ-Рыбачокъ, побѣжалъ въ свою палату, захватилъ чернаго пѣтушка и въ минуту очутился у берега рѣки Двины.

Въ то же время, приплыла къ берегу Золотая-Щука и разинувъ пасть—забрала къ себѣ внутрь Князька-Рыбачка и чернаго пѣтушка... Не успѣла Золотая-Щука нырнуть въ рѣку, какъ издали показался густой дымъ, и изъ дыму образовалась какая-то старуха: то была Кочерга; по знахарскому чутью догадалась она, колдунья, что Князекъ-Сеня похитилъ у нея чернаго пѣтушка, котораго она растила для волшебныхъ чаръ, для знахарскихъ тайнъ... Кочерга хотѣла нагнать бѣглеца и погубить его, да опоздала родная, перехитрила ее Щука Золотая-рыба...

Оборотилась Кочерга въ водяную змѣю и поплыла на дно рѣки къ Водовику-Ноготгу, чтобъ недопустить туда Щуку: знать страшна и опасна для нея была эта рыба... Но не во время явилась Кочерга въ подводномъ царствѣ Водовика: Щука опередила ее и успѣла пропустить во дворецъ воднаго повелителя Князька-Рыбачка и съ нимъ чернаго пѣтушка... А безъ этого пѣтушка не могла попасть во дворецъ колдунья Кочерга: такой наказъ данъ дворчанамъ отъ Водовика-Ноготка. Зашипѣла Змѣя-Кочерга, шелкнула змѣинымъ языкомъ и ужалила отъ злости Щуку Золотую-рыбу: на бѣду Кочергѣ, Щукѣ ни почемъ было ей жало; Золотая-рыба махнула огненнымъ хвостомъ, и Кочерга съ досадою поворотила домой въ свой острогъ... отъ злости захворала и слегла въ постель...

Между тѣмъ Князекъ входитъ въ подводное царство... Передъ нимъ—видѣвіе волшебное, неописанное, несказанное... На алмазной скалѣ стоитъ дворецъ, весь изъ воды текущей, изъ капелекъ рѣчныхъ: какъ ужъ сдѣланъ онъ тамъ изъ воды, ни придумать, ни рассказать, только диво ужъ большее этотъ дворецъ, — весь изъ воды вылить... сквозь стѣны видны всѣ пропзрастенія рѣки, камни, рыбы, змѣи, змѣйки, разноцвѣтные червячки и всякій несочекъ... Не вѣрять глазамъ своимъ Князекъ: что за диво такое? какъ-такъ сдѣланъ дворецъ изъ воды... Вотъ входитъ въ первую палату: не-то люди, не-то рыбы на сторожѣ стоятъ у дверей и караулятъ дворецъ; при видѣ Князька, расступилась стража и пропустила его дальше... Входитъ Князекъ въ другую палату... ни души живой; только запахъ какой-то не земной—тяжелый обдалъ его такъ, что нашъ богатырь чуть было не задохся и не ушалъ...

Дурно сдѣлалось съ Князькомъ, нужно было присѣсть и отдохнуть... Но лишь только присѣлъ Князекъ, сонъ глубокой напалъ на него: уснулъ богатырь сонъ тяжелымъ, и во время сна его, пѣтушокъ ушелъ отъ него и поплылъ въ глубь дворца, въ палату Водовика *. Водовикъ схватилъ пѣтушка и запряталъ его къ себѣ за пазаху.... Пѣтушокъ сталъ кричать—и пробудился князекъ...

Испугался молодець-удалець, что пѣтушокъ попалъ въ руки къ Водовику-Ноготку... и залился горькими слезами... Быть бѣдѣ, подумалъ Князекъ: и дѣйствительно бѣда вышла великая... На зовъ Князька явился Водовикъ—самое маленькое чудище, ни дать ни взять сверчокъ съ дѣтскій ноготокъ: голова у него была пребольшая съ огненными волосами, глаза молніей сверкали; руки желѣзныя съ ногтями серебряными... Въ одной рукѣ держалъ чернаго пѣтушка, а въ другой золотой трезубецъ.

Вотъ подходит Водовикъ къ Князьку, и опершись на трезубецъ, грозно говоритъ:

— Что скажешь, разудалая голова, Князекъ-Рыбачокъ?.. Ты въ моихъ рукахъ теперь; выпустилъ пѣтушка, такъ знай-вѣдай корись предо мной, а не то заколю я тебя трезубцемъ золотымъ и брошу тѣло твое на сѣденіе рыбамъ моимъ... Не умѣлъ беречь пѣтушка, такъ сьумѣй же терпѣть... Горе тяжкое ожидаетъ тебя здѣсь: погибнуть долженъ ты въ рѣкѣ, или пожалуй, если хочешь увидѣть княжну, жену свою, такъ исполни порученіе одно.

— Я согласенъ исполнить порученіе твое, повелитель водный; только что за порученіе это? Въ силахъ ли я буду угодить твоей милости?..

— Въ томъ-то и штука, князекъ, что ты самъ долженъ угадать, что за порученіе это и исполнить его не позже нынѣшней ночи... Сослужишь службу вѣрно, покажу тебѣ твою жену; не сьумѣешь угадать мысли моей, такъ головой отвѣтишь предо мной... Ступай и завтра явись съ тѣмъ, что я желаю получить отъ тебя.

Водовикъ исчезъ, а Князекъ-Рыбачокъ призадумался не на шутку: началъ было плакать, да слезами горю не помочь... Вышелъ изъ дворца и сталъ звать на помощь Золотую-Щуку...

А Щука какъ тутъ была: она ужъ давно его ждала...

— Ну, Князекъ-Рыбачокъ!.. не хорошо же ты сдѣлалъ, что выпустилъ пѣтушка... Вѣдь не шутка теперь добраться къ Княжкѣ... Водовикъ не удовольствуется порученіемъ однимъ: будутъ еще порученія тебѣ... Первое порученіе не такъ трудно: угадать я угадаю, и ис-

* См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1846 г. Прибавл. кн. 4; стат. Бѣлорус. Народ. Повѣрья, словес Водовикъ.

полнить съумѣю, да беда вѣдь мнѣ съ тобою: ты оплошенъ слишкомъ сталъ, за слезами, за печалью ты не помнишь ничего и готовъ забыть про голову свою... Если будешь остороженъ, такъ исполню я желаніе Чуда-Водовика, а не станешь слушаться меня, такъ погибнешь въ подводномъ царствѣ...

— Я готовъ во всемъ послушнымъ быть тебѣ, Золотая ты Щука, сталъ со слезами говорить Князекъ, только будь помощницею моею: говори, что нужно дѣлать, чтобъ угодить Водовику...

— А вотъ что: По правую сторону дворца Водовика есть крошечный островокъ, весь изъ камышковъ изумрудныхъ, обросшихъ огненнымъ мохомъ; на томъ островкѣ поселилась птичка-крошка зеленая, и свила тамъ гнѣздышко, ужъ и яичекъ нанесла, остается только вывести птенцовъ зелененькихъ... Не полюбилось Водовику сосѣдство такое зеленой птички Кокашки: вишь онъ самъ любитъ прохлаждаться на томъ островку, а тутъ птичка вздумала мѣшать его прогулкѣ... Вотъ ужъ нѣсколько дней думу думаетъ Чудище-Ноготокъ, какъ бы выжить Кокашку, да не можетъ самъ онъ наказать птичку зеленую; можетъ только сдѣлать это житель земной, но никакъ не водной... Какъ ни силенъ онъ въ своихъ владѣніяхъ, а все-таки не властенъ выгнать Кокашку съ изумруднаго островка... Не могу и я Золотая-Щука сдѣлать этого: я могу только научить тебя, какъ выжить отсюда зеленую птичку... Сядишь на меня, я занесу тебя на Изумрудный островокъ: теперь птичка улетѣла къ своей сестрѣ въ гости, такъ ты смѣло подойди къ гнѣздышечку и возьми три яичка зелененькія: два изъ нихъ отдай Водовику, а третье спрячь ты въ шапку свою, послѣ увидишь, что за сила тайная заключается въ этомъ яичкѣ... Ну, пора, молодецъ Князекъ, поспѣшимъ на островокъ...

Сказавъ это, Золотая-Щука плеснула огненнымъ хвостомъ; Князекъ съѣлъ на нее и въ минуту очутился на Изумрудномъ островкѣ. Отыскавъ гнѣздышко, взялъ яички, и возвратился въ Подводное царство...

На другой день стража докладываетъ Водовику, что Князекъ-Рыбачокъ хочетъ видѣть его милость и поднести ему подарокъ... Водовикъ вышелъ къ Князьку и удивился когда тотъ поднесъ ему два яичка зеленой птички...

Лишь только Водовикъ взялъ яички, птичка зеленая влетѣла во дворецъ и стала просить пощады-прощенія у воднаго влстелина; но Водовикъ велѣлъ своей стражѣ разорвать на мелкія части дерзкую птичку и потомъ съ благодарною рѣчью обратился къ Князьку-Рыбачку:

— Ну, молодецъ-удалецъ, удивилъ ты меня своею угадливостью; спасибо тебѣ за службу вѣрную... Но все-таки я не могу еще пока-

затѣ тебя Княжну жену твою, позволяю только перейти въ третью палату... Если ты такой угадчикъ, такъ угадай, чего еще мнѣ хочется и исполни въ точности въ нынѣшнюю ночь... Исполнишь, я награжу тебя примѣрно, покажу тебѣ твою жену, а не исполнишь, такъ разстаться придется тебѣ съ жизнью: ужъ таковъ мой приговоръ... Прощай, завтра явись ко мнѣ опять... Съ этими словами ушелъ Водовикъ въ свои палаты...

— Э! подумалъ Князекъ... да этакъ онъ замучить хочетъ меня своими порученіями... Постой же, буду я поумнѣй, не позволю обманывать себя больше.

Только подумалъ такъ Князекъ, а Золотая-Щука уже звала его къ себѣ... Князекъ вышелъ изъ дворца, и сталъ жаловаться Щукѣ, что не исполнилъ своего слова Водовикъ.

— Ничего! говорить Щука, потерпи Сеня-Князекъ; будетъ все хорошо... Вишь хочетъ онъ погубить тебя и оставить у себя Княжну-жену твою... Но не знаетъ онъ, что помощница у тебя Золотая-Щука... Я сердита ужъ давно на него и хочу отомстить ему за обиду, нанесенную мнѣ, Щукѣ: вишь онъ не пускаетъ меня плавать дальше дворца своего... Такъ постой же, чудище ты водное, я поселюсь въ новой рѣкѣ и смаю туда всю лучшую рыбу твою...

— Что же мнѣ дѣлать, добрая Щука?.. научи меня шучьимъ умомъ, какъ исполнить волю Воднаго Чуда...

— А видишь ты, Князекъ-Сеня... по лѣвую сторону дворца Водовика есть огромная пещера, вся стеклянная, безъ входа и прохода... Въ ней, на днѣ, на жемчужномъ ложѣ лежитъ трезубецъ Лазовика, старшаго чудища воднаго, весь изъ слоновьей кости: захотѣлось Водовику похитить этотъ трезубецъ у Лазовика; чтобъ господствовать надъ старшимъ чудищемъ и распорядиться въ его царствѣ... Я занесу тебя на эту пещеру, разобью ее своею головою, и ты войдешь въ нее спокойно; теперь дома нѣтъ Лазовика... Какъ войдешь, смотри не оглядывайся назадъ, а не то налетятъ черныя змѣи и разорвутъ тебя на части... Трезубецъ держи въ рукѣ и не махай имъ ни вправо ни влѣво. А какъ будешь выходить, не забудь отломить отъ пещеры кусочекъ стекла и спрятать его за поясъ... Ужъ тамъ послѣ узнаешь, для чего такъ дѣлать я наставляю тебя... Отдавая трезубецъ, ты скажи Водовику, чтобъ онъ сдержалъ свое слово, а не то объясни, что пожалуешься на него Щукѣ, мнѣ Золотой рыбѣ... Ну, садись же, удалый Князекъ, поплывемъ къ пещерѣ.

* См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г. кн. 4, статья Бѣлорус. Народ. Повѣрья слово *Лазовиць*.

Вотъ плыветъ Щука рыба золотая по Двиу глубокой, то взмахивая хвостомъ, то ударяя по рѣкѣ серебристыми крыльями,—подплываетъ къ стекляной пещерѣ, ударяетъ въ нее головой рыбой своей... Князекъ входитъ въ пещеру, беретъ костяной трезубецъ и отламываетъ кусочекъ стекла... Щука прыгнула на дно рѣки, понеслась, поплыла ко дворцу Водовика...

Съ разсвѣтомъ дня, Водовикъ ждетъ не дожидается Князька: любопытство сильное овладѣло воднымъ чуднищемъ,—угадастъ ли Сеня-Рыбачокъ давно беспокоящую его думу?.. А Сеня-Князекъ, какъ на диво, является къ Водовику съ трезубцемъ Лазовика и требуетъ отъ него исполненія даннаго слова...

«Ну, богатырь-Князекъ! Славный ты слуга—вѣренъ слову своему; только извини, я все таки не отдамъ тебѣ жены, а показать—пожалуй, покажу... Ступай за мною въ четвертую палату: изъ нея увидишь свою милую княжну, красавицу жепу...

— Нѣтъ, Водовикъ господинъ, не честно поступаешь ты со мною: обѣщаль показать жену, такъ я разумѣлъ, что и отдать изволишь мнѣ ее... Если не отдашь жены, такъ я пожалуюсь на тебя Золотой-Щукѣ, морскаго чуда подругѣ...

— А! сказалъ Водовикъ, такъ ты знаешь эту Щуку, ну, хорошо, вотъ окажи мнѣ послѣднюю услугу, позови ко мнѣ золотую эту рыбу, я хочу съ нею переговорить... Если успѣешь приманить ее ко мнѣ въ палаты, такъ ужъ дѣлать нечего—отдамъ тебѣ твою жену...

— Изволь, будетъ по-твоему; да только смотри не къ добру поведетъ тебя обманъ: Щука рыба не мнѣ братъ, она раздѣляется съ тобою по шучьему; вѣдь ты знаешь, она морская рыба...

Сказавъ это, Князекъ выбѣжалъ къ Золотой-Щукѣ и рассказалъ ей все, слышанное отъ Водовика...

Между-тѣмъ, по выходѣ изъ дворца Князька, явился къ Водовику Лазовикъ съ поклономъ и сталъ просить у него трезубца своего... Но Водовикъ предложилъ ему въ замѣнъ свой золотой, а костяной оставилъ себѣ... Дѣлать нечего, согласился Лазовикъ на такое предложеніе Водовика, и сталъ подвластнымъ духомъ воднаго чудовища... Обрадовался Водовикъ и поспѣшилъ къ княжнѣ, жевѣ Сени-Князька-Рыбачка. Княжна сидѣла скучная, печальная, и на всѣ привѣты и ласки Водовика отвѣчала слезами... Чтобъ утѣшить ее, Водовикъ положилъ у ногъ ея трезубецъ костяной, отдалъ чернаго пѣтушка и въ добзюкъ зелененькія яички... Но княжна неохотно приняла такіе подарки: она спрашивала Водовика, скоро ль кончится срокъ ея заключенію въ подводномъ царствѣ... Водовикъ утѣшалъ ее, какъ могъ, и на радостяхъ забылъ

о Князькѣ-Рыбачкѣ... Онъ думалъ, что Золотая Щука проглотитъ его и избавитъ отъ докучливаго недруга... онъ вишь не вѣрилъ, что Князекъ въ дружбѣ съ такою рыбою...

Но лишь только онъ окончилъ рѣчь съ княжною, какъ вдругъ заболыхались воды Двины, потряслось водное царство и задрожалъ рѣчной дворець... Тутъ Водовикъ опомнился, и забывъ о трезубцѣ, яичкахъ и черномъ пѣтушкѣ, выбѣжалъ изъ дворца... Глядь—предъ нимъ Золотая-Щука. Испугался Водовикъ, и хотѣлъ было бѣжать назадъ... но Щука-рыба махнула хвостомъ — и Водовикъ не могъ тронуться съ мѣста.

Тутъ Щука говоритъ Князьку: Ступай теперь Сеня-Рыбачокъ въ палаты княжны; какъ подойдешь къ послѣдней палатѣ, брось стеклышко въ водную стѣну и увидишь свою жену... возьми у нее чернаго пѣтушка, трезубецъ и яичко, и вмѣстѣ съ нею приходи сюда сію минуту; да смотри, не медли ни минуты...

Обезумѣвшій отъ радости Князекъ не пошелъ а бѣжкомъ побѣжалъ къ палатамъ княжны, бросилъ стеклышко въ стѣну и очутился предъ женою...

Радость и восторгъ отняли языкъ у Княжны, и только лишь тогда проговорила она когда Князекъ напоминалъ, что онъ долженъ поспѣшить къ Золотой-Щукѣ, а не то пропадетъ и онъ и она съ нимъ...

Забравъ пѣтушка, яички и трезубецъ, Князекъ вмѣстѣ съ Княжною поспѣшили къ Золотой-Щукѣ, а Щука имъ говоритъ:

«Что хотите дѣлайте съ Водовикомъ: въ вашей волѣ погубить его за злыя дѣла и неповиновеніе водному Лазовику...»

Водовикъ сталъ просить, молить Щуку о пощадѣ, но Щука имѣла наказъ отъ морскаго чуда, у котораго на усахъ нѣсколько мельницъ, каждая о шести колесахъ *, не щадитъ Водовика и наказатъ его примѣрно за дерзости, какія онъ оказывалъ не разъ своему старшему властелину-повелителю...

Ну, что же, Князекъ?.. начала говорить Щука опять: махни трезубцемъ направо.

Князекъ махнулъ трезубцемъ на право, и въ тужъ минуту явился Лазовикъ.

Щука велѣла Водовику просить прощенія у Лазовика, и тутъ же превратила Водовика въ подвластнаго, самаго младшаго духа Лазовика. Лазовикъ исчезъ вмѣстѣ съ Водовикомъ...

«Теперь, сказала Щука Князьку, махни трезубцемъ налѣво...»

* См. «Пантеонъ», 1853 г. № 6, Бѣлоруссія—въ фант. повѣр.—Медальжье-ушко.

Князекъ махнулъ, и въ мгновеніе ока не стало подводнаго царства...

Щука взмахнула огненнымъ хвостомъ, и Князекъ съ Княжною очутились на берегу Двины... вѣстѣ съ чернымъ пѣтушкомъ, яичками и трезубцемъ...

Князекъ и Княжна—красавица стали благодарить Золотую—Щуку за помощь и спасеніе... но Щука прервала рѣчь ихъ слѣдующими словами:

«Не благодарите пока, еще не все кончено; посмотрите вонъ бѣжить Кочерга, а за нею летятъ черныя вороны и всякія хищныя птицы; она почуяла знахарскимъ чутьемъ, что возвратились вы изъ подводнаго царства и хочетъ сгубить тебя и Княжну, силами чаръ своихъ; смотрите, держите крѣпко пѣтушка, чтобъ не ушелъ.

Вотъ подбѣжала Кочерга и хотѣла броситься на Княжну, чтобъ отнять ее у Князька, но Золотая—Щука велѣла Князьку бросить въ нее зелененькимъ яичкомъ, и Кочерга отскочила отъ Княжны на нѣсколько шаговъ, потомъ закружилась, завертѣлась на одномъ мѣстѣ и тутъ же *росплаталась*—растянулась. И вотъ образовалась на томъ мѣстѣ рѣка *Полота*, у самыхъ береговъ Двины, и поплыла вдаль межъ горъ и густыхъ лѣсовъ... Въ той рѣкѣ Полотѣ поселилась Золотая—Щука и перенесла туда подводное царство, вручивъ костяной трезубецъ Лазовику; а два яичка велѣла Князьку бросить въ рѣку; вотъ прилетѣла зеленая птичка и вывела зелененькихъ птенцовъ...

Что же случилось съ Князькомъ и Княжною да съ чернымъ пѣтушкомъ?..

По шучьему велѣнію Князекъ—Рыбачокъ зарѣзалъ чернаго пѣтушка, вынулъ изъ него *красную косточку бурьяшку* и воткнулъ ее на высокой горѣ надъ рѣкою Полотой... а чрезъ ночь на той горѣ самъ построился замокъ чудный, великолѣпный, каменный съ семью башнями и огромнымъ садомъ... Въ этомъ замкѣ жили-поживали князекъ да княжна, и скоро далъ имъ Богъ князечка маленькаго...

Тутъ понадобился новый замокъ для княжескаго сына, но не замокъ выстроили для него, а богатѣйшій, прекраснѣйшій дворецъ...

Но... тутъ сказкѣ конецъ.

11. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ У ЗАСТѢНКОВЦЕВЪ (ОКОЛИЧАНЪ) ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Я описалъ уже свадебные обряды у поселянъ Могилевской и Минской губерніи, а теперь считаю нужнымъ для сравненія, сдѣлать очеркъ свадебныхъ обрядовъ у *застѣнковцевъ* Витебской губерніи, т. е. окольной шляхты, которая въ настоящее время ничѣмъ не различается отъ поселянъ. Это однодворцы или, какъ зоветъ ихъ народъ, *шераки*, т. е. носящіе стрые сюртуки, чѣмъ собственно и отличаются отъ поселянъ. Что же касается до ихъ образа жизни, воспитанія и состоянія **, то они ведутъ такую же простую жизнь, такъ же не образованы, и такіе же хлѣбопашцы, какъ и поселяне. Но все таки они въ Бѣлоруссіи составляютъ отдѣльное сословіе—среднее между дѣйствительною шляхтою и престономародьемъ: имѣютъ свои отдѣльныя земли, особенныя характеристическія повѣрья, преданія и пѣсни... Есть и у нихъ разные обряды, которые сохранились съ незапамятныхъ временъ... Къ числу этихъ обрядовъ можно отнести и обряды свадебные; конечно, въ главномъ они болѣе или менѣе похожи на обряды поселянъ, но въ частности имѣютъ свою оригинальность и самобытность. Особенно замѣчательны пѣсни, которыя болѣе или менѣе обнаруживаютъ духъ и обычаи застѣнковцевъ.

Я опишу здѣсь свадебные обряды *лепельскихъ* (т. е. *Лепельскаго уѣзда Витебской губерніи*) застѣнковцевъ.

Высмотрѣвъ невесту, молодой парень проситъ у родителей позволенія отправиться въ домъ будущаго тестя, и приглашаетъ къ себѣ товарищей, съ которыми совѣтуется, какъ бы приступить къ дѣлу: эти товарищи называются *бойрами*; ихъ обязанность—неотлучно быть при женихѣ до окончанія свадьбы...

Отецъ жениха отправляется въ домъ родителей невесты, и переговоривъ съ ними, на другой день является съ женихомъ и бойрами, между которыми одинъ или два музыканта. При входѣ въ домъ невесты, бойре поютъ подъ музыку:

Да пристань. Боже, пристань

Да да нашего да пачатачку,

Што мы яго пачинаемъ,

Госпада Бога звеличаемъ.

* Пактеонъ № 5, 1855 года.

** Подробное описаніе застѣнковцевъ сдѣлано мною въ «Путешествіи по Польсью и Бѣлорусскому краю»; См. «Современникъ», 1853 г. № 8, Глав. VIII, *Минская губернія*.

Да доляжь мая, доля:
 Кали будзешь добрая,
 То садися са мною;
 А кали будзешь якая,
 То зъ быстраю вадою!...
 Не сватыкайся са мною...

(Помоги, Боже, начать намъ дѣло, чтобъ за это начало мы тебя прославили. Охъ, доля моя, доля!.. Если (суженая) будетъ добрая, такъ пусть сидеть со мной, а если какая-нибудь иная, такъ пусть лучше и не встрѣчается со мною).

Гостей встрѣчаетъ невѣста, и потомъ тутъ же уходитъ въ другую комнату. Ея мѣсто занимають родители и просятъ гостей отдохнуть, если съ доброю вѣстью пришли.

Тогда отецъ жениха начинаетъ слѣдующую рѣчь: «Послушайте, добрые люди, что за вѣсть такую принесъ я вамъ. Слышали мы отъ друзей нашихъ и вашихъ, что у васъ есть красная княгиня, и красавица изъ себя, и умная, и добрая: пера бы пристроить ее... Привели мы къ вамъ парня молодого, богатаго и трудолюбиваго... что вы скажете намъ на это? Рады ль вы нашему приходу? Если рады, приведите сюда свою княгиню, пусть подаетъ свою правую руку нашему молодцу, а мы старые люди согласимся устроить ихъ счастье... Богъ благословить, если мы, Отцы, и родные поблагословимъ ихъ...»

Послѣ такой рѣчи, мать невѣсты идетъ въ другую комнату и выводитъ дочь оттуда вмѣстѣ съ подругами боярками... Невѣста плачетъ, а боярки поютъ, подъ музыку бояръ:

Лещаць птушачки на три стадачки,
 И зязюля паперодъ;
 Птушачки пали, защибетали,
 А зязюля закукавала.
 И шли дзѣвачки черазъ сѣнечки
 И — (такая-то) — паперодъ;
 Дзѣвачки сѣли, пѣсьни зашѣли,
 А (такая-то) заплакала...
 Зязюлька, зязюлька — да неголасна
 Кукуешъ: голасна, да не жаласна.
 Не чутна за ёльничкамъ,
 За бѣлымъ березничкамъ.
 Красная (такая-то) да неголасна
 Плачешъ: голасна, да не жаласна.

Не чутна за баарками,
За галосными и граанками!

(Летать птички тремя стадами: впереди летит кукушка. Птички спустились (на землю), защибетали, а кукушка закуковала. Шли дѣвицы чрезъ сѣни, а *такая-то* впереди. Дѣвицы сѣли и начали пѣть пѣсни, а *такая-то* стала плакать. Кукушка! кукушка! ты не громко кукуешь: громко да не жалостно; не слышать тебя за словою, за безевою рощицей. Красавица *такая-то*! Ты не громко плачешь, а хоть громко да не жалостно: не слышать тебя за пѣснями боярокъ, да игроу музыкантовъ!)

Если же невѣста не плачетъ, или хоть мало плачетъ, боярки поють:

Знаць табѣ, *такая-то*, замужъ хочетца,
Што твое слезуныки ня коцютца?
Идзи, *такая-то*, у зялѣны садокъ,
Вырви горку цыбульку, патри свае вочиньки
Ци ня пойлуць у цябе дробинья слезуныки.
Узыйдзи совинька для ценла-дзеля,
Заплачь, *такая-то*, для сораму-дзеля.
Узышло совинька, абутрала;
А *такая-то* плакаць и не думала.

(Вѣрно тебѣ замужъ хочется, что не текутъ у тебя слезы... Сходи-ка ты въ зеленый садикъ, сорви горькую луковку, потри ею свои глазки, авось потекутъ у тебя хоть мелкія слезы. Взойди солнышко, и согрѣй (насъ); заплачь, *такая-то*, не срами себя... Солнышко взошло; разсвѣло... а *такая-то* и не думала плакать.)

Когда невѣста подойдетъ къ жениху, бояре подносятъ ей водку, и она обязана налить ее въ свою рюмку и подать жениху. Это означаетъ согласіе невѣсты на вступленіе въ бракъ съ предлагаемымъ женихомъ. Женихъ выпиваетъ часть водки и потомъ бросаетъ рюмку съ оставшимся виномъ къ ногамъ невѣсты. Затѣмъ всѣ усаживаются по мѣстамъ и начинаются угощенія... Между тѣмъ невѣста уходитъ на время въ другую комнату и чрезъ нѣсколько минутъ возвращается съ подарками. Боярамъ даетъ ручники (полотенца) собственного рукодѣлья, а жениху—большой цвѣтной платокъ; женихъ въ замѣнъ даритъ невѣсту какимъ нибудь цвѣтнымъ ситцемъ, а бояре красными лентами...

По окончаніи угощенія, родители невѣсты берутъ подъ руки свою дочь и подводятъ ее къ отцу жениха: отецъ жениха зоветъ сына, и

соединяетъ его руки съ руками невѣсты. Женихъ и невѣста становятся на колѣна, и родители обонхъ сыплютъ на ихъ головы ржанія зерна, и потомъ положивъ руки на ихъ плеча цѣлуются между собою: это означаетъ благословеніе родителей...

Затѣмъ всѣ садятся; невѣста запѣваетъ, а боярки помогаютъ ей пѣть слѣдующую пѣсню:

Аглядзисься патомъ матачка,
 Якъ мене ня будзе — нимашачка,
 Да устанешъ рапненька, да нима каго будзици,
 Возьмешъ ведзѣрка, нема вадзицы.
 Ты жъ будзешъ думаць, што валы пагнала;
 Да твае валы стаяць у хлѣвѣ:
 Да тваё дзвця у чужой семьѣ!
 Пастушки идуць, ты будзешъ пытаци,
 Яны табѣ, мая матачка, ня будуць казаци;
 Да волики придучь, да мене не будзе —
 Да табѣ, мая матачка, горши жалѣ будзе.

(Опомнишься послѣ, матушка, какъ меня не будетъ въ твоёмъ домѣ. Встанешь рано, некого будетъ будить: возьмешь ведро, не найдешь волицы. Ты будешь думать, что (твоя дочь) погнала въ поле воловъ, но волю въ хлѣвѣ стоять, а твое дитя въ чужой семьѣ. Пастухи идутъ, ты ихъ спрашивать станешь, а они ничего тебѣ не скажутъ обо мнѣ: придутъ волю, а меня все таки не будетъ—и пожалѣешь тогда меня, моя матушка...)

При выходѣ гостей, невѣста снимаетъ съ головы жениха шапку, и надѣваетъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ (лѣтомъ свѣжихъ, а зимою сухихъ): съ этимъ вѣнкомъ женихъ возвращается домой, тамъ его мать снимаетъ вѣнокъ и бросаетъ въ печь.

Описанные мною обряды составляютъ *обрученіе*, послѣ котораго, хотя бы свадьба отложена была на нѣсколько недѣль, женихъ можетъ вездѣ ходить и гулять вдвоемъ съ невѣстою: на нихъ смотреть, какъ на будущаго мужа и жену..

Случается, что и сами пария безъ родителей своихъ отправляются въ домъ невѣсты и вступаютъ въ переговоры съ ея родными, но подобное сватовство называется *бездольнымъ* и рѣдко бываетъ удачно; большею частью родители невѣсты оскорбляются, если какой-нибудь молодой парень приходитъ по такому важному дѣлу безъ старыхъ людей, и потому отказываютъ жениху. Въ случаѣ отказа, боярки и самая невѣста поютъ пѣсню слѣдующаго содержанія:

Зацвѣтла у городѣ макавка,
 Заболѣла у *такой-то* газовка;
 Захотѣла заморскаго зелья:
 Каму ѣхать за мора на зелья?
 Таму-ѣхать, каму рукадзелья.
 Татку ѣхать за мора на зелья.
 Татка кажиць: я-й коника ни маю,
 Татка кажиць — я-й зелья ни знаю.
Такому-то ѣхать за мора на зелья.
 А *такой-то* кажиць: я-й коника маю,
 Юнъ кажиць: я-й зелья знаю.
 Адзвнъ коникъ — поля переѣхать,
 Другі коникъ — мора переляцѣць,
 Тречи коникъ — да зелья даѣхать...
 А ставъ *такой-то* зелья капаци,
 Стали надъ имъ птушки щебетаци:
 Не капай *такой-то* зелья,
 Ужо у *такой-то* другая вяселья.
 А ѣдзь, *такой-то*, лугамъ, берегамъ,
 А стань, *такой-то*, у поли, надъ шатромъ:
 Будзишь видиць, якъ къ *такой-то* баары наѣдуць...
 Пазволь, пазволь, *такая-то*, на дворъ!
 Не пазволю табъ — першы,
 Юсьць у мяне другі милѣйши
 Пазволь, пазволь, *шакал-то*, у хату,
 Не пазволю табъ у хату,
 Ты для мене не першы,
 Юсьць у мяне — милѣйши...

(Расцвѣлъ въ огородѣ макъ, заболѣла у *такой-то* голова, захотѣлось ей заморскаго зелья (травы). Кому же ѣхать за травой? Тому ѣхать, кто хорошій работникъ: Отцу ѣхать за травой. А отецъ говорить: у меня и лошади нѣтъ, да я и травы этой не знаю... *Такому-то* ѣхать за травой; а тотъ говорить: у меня и лошади есть, я и траву эту знаю... На одной лошади переѣду поле, на другой перелечу через море, на третьей доѣду до того мѣста, гдѣ растеть эта трава. Вотъ и сталъ онъ копать траву, а ему просебетали птички: не копай ты травы, ужъ просватаана *такая-то* за другаго; поѣзжай лугомъ, по берегу моря, остановись въ полѣ подъ навѣсомъ, а увидишь, что къ ней ѣдутъ другіе гости—баяре.. Ахъ, пазволь, пазволь, *такая-то*,

взойти къ тебѣ во дворъ, въ хату; не позволю я тебѣ взойти къ себѣ ни во дворъ, ни въ хату, ты для меня не лучше всѣхъ, есть у меня мой милый, онъ для меня лучше всѣхъ).

Послѣ обрученія у застѣиковцевъ не бываетъ никакихъ особенныхъ обрядовъ до самой свадьбы; не пекутъ даже короваевъ, какъ это бываетъ у поселянъ; если же и пекутъ одну коровай, такъ безъ всякихъ собраний дѣвицы и пѣнія пѣсень... Бываетъ только на канунъ свадьбы, вечеромъ, смотръ приданого невѣсты. По этому случаю, собираются къ невѣстѣ дѣвицы, а потомъ является женихъ съ боярами. Смотръ приданого не сопровождается никакими особенными обрядами. Совершается только, на другой день послѣ сватовства или обрученія, такъ называемое *расплетаніе косы*, то есть: дѣвицы-подруги сажаютъ невѣсту предъ печкою, на дежѣ (квашнѣ) и сначала влетаютъ въ двѣ косы разные цвѣты; при этомъ мать невѣсты сидитъ съ поджатыми ногами на полу при дежѣ и подаетъ бояркамъ цвѣты изъ глинянаго горшка, а бояре поминутно бросаютъ въ печку соль... Влетая въ косы цвѣты; дѣвицы поютъ:

Треба косу заплетать,
Треба квитки закладаць.
Пайшла *такая-то* да городка
Купиць на вянокъ квитка.
Пришла да яе матка,
И пытаець: што ты робишь, дзицатка?
Рѣжу квитокъ на свой вянокъ...
Ой, цижъ я табѣ матулесечка,
Не выгодна,—кривдунесечка,
Што ты мяне аддаешъ чужому?
Я цябе аддаю не чужому,
А свайму такомужъ радному...

(Нужно косу заплестъ, нужно цвѣтки вплестъ. Пошла такая-то въ городъ покупать цвѣты для вѣнка... (Когда она возвратилась) подходитъ къ ней мать и спрашиваетъ: что ты дѣлаешь, дитятко? Рѣжу цвѣтки на вѣнецъ. Охъ, матушка моя, неужели жъ я тебѣ прискучила, иль не мила, что ты отдаешь меня чужому?—Я тебя отдаю не чужому, а своему (будущему родному).

Заплетши косы, боярки кладутъ на голову невѣсты вѣнокъ изъ цвѣтовъ и потомъ вѣстѣ съ боярами пляшутъ вокругъ невѣсты... За-

тѣмъ мать снимаетъ вѣнокъ и бросаетъ въ печку. Невѣста плачетъ; боярки расплетаютъ косы, и поютъ:

Да красная такая-то!
Кали съ цебо тое было,
Штобъ ты служки наймала,
Русу косу расплети,
Слезки свае разливаи?
Да дѣвочки сястрицы!
Да ццперъ той дзень наставъ,
Што да мене милый приставъ,
Русу косу расплети,
Слѣзкы мае разливаи.

(Красавица такая-то! когда водилось за тобой, чтобъ ты нанимала слугъ расплетать русую косу, и помогать тебѣ плакать? Ахъ, дѣвицы-сестрицы! вѣдь теперь насталъ тотъ день, что посватался за меня мой милый: нечего дѣлать, нужно косу расплетать и слезы лить...)

Невѣста плачетъ, потому что расплетаніе косы значитъ прощаніе съ дѣвическою жизнью. Сдѣлавшись замужнею женщиною, она не можетъ носить косу, а прячетъ волоса подъ чепцомъ, не заплетенные, нерѣдко обстриженные. Расплетаніе косы у Застѣнковцевъ тоже, что у поселянъ дѣвичникъ.

По расплетеніи косы, женихъ и бояре уходятъ *, остаются при невѣстѣ подруги, боярки. Черезъ нѣсколько минутъ, одинъ изъ бояръ приноситъ невѣстѣ, отъ имени жениха, разные подарки, платки, ленты, башмаки и, если богатый, подвѣсочное платье. Невѣста въ свою очередь посылаетъ жениху шапку изъ синяго сукна, убранную лентами и цвѣтами. Иногда *бояринъ* съ подарками переодѣвается женщиной, и въ такомъ видѣ является къ невѣстѣ: невѣста снимаетъ съ него женское платье и оставляетъ у себя. Такой посланецъ называется *мачугой*.

По выходѣ боярина, невѣста и подруги ея весь вечеръ поютъ пѣсни и гадаютъ.

Отъ расплетанія косы до свадьбы обыкновенно проходитъ недѣля, а иногда и двѣ. Въ теченіе всего этого времени, невѣста не заплетаетъ

* Случается иногда, что при выходѣ жениха, невѣста прикалываетъ или пришиваетъ къ его шапкѣ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, сорванныхъ ею въ собственномъ цѣвникѣ: этимъ выражается особенное расположеніе невѣсты къ давно избранному ею самою жениху.

косы, а съ распущенными волосами, прикрытыми на маковкѣ головы платочкомъ, проводить дни и вечера съ своими подружками; въ такомъ видѣ невѣста остается и при женихѣ, который обязанъ являться къ ней всякій вечеръ съ какимъ нибудь подаркомъ.

Наконецъ наступаетъ день свадьбы, большею частью воскресный или праздничный. Смотря по состоянію родныхъ невѣсты, свадьба бываетъ или такъ называемая *печеная* (печеная вяселья), то есть, богатая, съ разными жаркими и печеньями, и другими блюдами, состоящими изъ мяснаго, ветчины, козбась, и также сушеныхъ яблоковъ, орѣховъ и меду; или *вареная*, т. е. не очень богатая, на которой бываютъ только разные варива, а изъ мяснаго готовится самая малость. Но какъ первая такъ и послѣдняя сопровождаются музыкою; различіе въ томъ, что на первой бываетъ нѣсколько музыкантовъ, а на второй большею частью одинъ, рѣдко два. Кромѣ того, печеная свадьба продолжается обыкновенно нѣсколько дней, рѣдко даже цѣлую недѣлю, а вареная много два три дня. На первую съѣзжаются гости изъ разныхъ сосѣднихъ и отдаленныхъ околотковъ, а на вторую собираются лишь знакомые родныхъ жениха и невѣсты, живущіе въ одномъ съ ними застѣнкѣ.

Въ день свадьбы, почти съ разсвѣтомъ приходятъ въ домъ невѣсты четыре или шесть подругъ, *болрокъ* (иногда и больше, но всегда четнымъ числомъ) и встрѣчаютъ молодую, окруженную разными матронами, слѣдующею пѣснюю:

Ой, свѣтъ свитаецъ
Наша *такая-то* зъ двара зѣжджаецъ;
А у яе браценька ключовъ пытаецъ:
Гдѣ ты *такая-то* ключи падзѣла!
Я табѣ браценька да не ключница,
Чужому такку буду ключница —

(Ой, свѣтаецъ, и наша (такая-то) выѣзжаетъ со двора. Братъ спрашиваетъ у нея ключей: «Гдѣ ты (такая-то) ключи дѣвала?» А она отвѣчаетъ: ужъ не ключница я тебѣ, братецъ, больше; съ этого дня я буду ключницей у чужаго отца).

Затѣмъ подруги-боярки уходятъ съ невѣстою въ особую комнату, и тамъ проводятъ время въ разговорахъ и гадашяхъ. Въ это время пріѣзжаетъ одинъ изъ старшихъ *бояръ* и представляетъ невѣстѣ подарки жениха, состоящіе изъ рубашки тонкаго полотна, башмаковъ и красныхъ лентъ для головнаго убора. Боярки принимаютъ подарки, и отъ имени невѣсты передаютъ боярамъ подарки для жениха, состоящіе изъ бѣлаго шейнаго платка и шапки съ разноцвѣтными лентами.

Время свадьбы обыкновенно бываетъ часа въ два-три по полудни, а иногда и въ 12-ть часовъ утра. За часъ или за два до этого срока, боярки приступаютъ къ одѣванію невѣсты. Одежда невѣсты застѣжковой бываетъ сообразна съ состояніемъ ея родныхъ; большею частью она похожа на крестьянскую. Конечно, въ этомъ случаѣ дѣлаютъ исключеніе застѣжковцы такъ называемые *шляховые*, т. е. живущіе на *большой дорогѣ*, или что то же, нѣсколько образованные. У нихъ одежда почти городская: женщины носятъ платья и шляпки; мужчины, сюртуки и даже шляпы. Впрочемъ такихъ застѣжковцевъ очень мало. У невѣсты описываемаго мною класса бѣлорусскаго народа свадебная одежда бываетъ слѣдующая: волосы собираютъ назадъ въ косы, которыя, равно какъ и всю маковку головы испещряютъ лентами и (если это бываетъ лѣтомъ) безчисленными цвѣтами. На шеѣ виситъ нѣсколько снурковъ крупнаго бисера, коралловъ и стеклураса; тонкая рубашка, съ большимъ воротникомъ, скаймлепнымъ плочеными фалборками, и широкими рукавами, перетянутыми у самой кисти руки лентами; платье замѣняютъ кофточка или *корсетъ*, нѣрѣдко изъ шелковой и даже парчевой матеріи и *андаракъ* или юбка, всегда шелковая или кисейная, пузуренная многоцвѣтными лентами, снурками и галунами; иногда сверхъ юбки надѣваютъ бѣлый фартучекъ. Поверхъ всего накидываютъ синій суконный кафтанъ съ талією и частыми фалдами у таліи; башмаки на коблукахъ и нѣрѣдко съ подковками ..

Во время одѣванія, боярки довольно жалобно поютъ, такъ что невѣста невольно трогается подобнымъ напѣвомъ и нѣрѣдко горько плачетъ. Вотъ образчикъ этихъ пѣсень...

Ужежъ ты, дзѣвачка, нами пагардзила,
 Идземъ да мужа — радзійца;
 А-й заставляешъ матку, што цябе кармила;
 Ужежъ-тка ты не будзешъ дзавица!
 Ня будзешъ зъ нами жартакъ строиць,
 Да церкви Божай разамъ же хадзиць:
 Бѣда табѣ—тка будзе серце асвоиць
 И кривду адъ чужихъ знесиць...
 Кали-атъ снѣгъ у поли забѣлѣе,
 Зъ кудзеляю ня пойдзешъ зъ нами,
 Снѣваць ня будзешъ, кали на серцѣ ня веселѣе...
 И бавиць дружакъ жартками...
 Чи свата, чи недзѣльковаць —
 Ня будзешъ зъ нами гарцаваць!
 Ба мусишъ дома гаспадароваць

И малыя дѣтци пльнзаваць.

Штожъ намъ робиць, штожъ намъ робиць

А зязюлечка * жъ ты наша?

Радыбъ вашень выневолиць,

Да даремна будзе праца...

Штожъ намъ робиць, штожъ намъ робиць

Любенькая сеструвѣчка?

Думаешъ-жа намъ ня шкодзиць,

Што цябе (у насъ) не астаѣнца?..

Штожъ намъ робиць, штожъ намъ робиць?

(Вотъ ужъ ты, дѣвица, пренебрегла нами, идешь въ домъ мужнина отца; бросаешь мать, которая тебя вскормила: ужъ ты не будешь больше дѣвницей! Не будешь съ нами играть, ни въ церковь Божию ходить: охъ, трудно тебѣ будетъ привыкнутьъ, переносить обиды отъ чужихъ. Когда поля покроются снѣгомъ, ты не пойдешь съ нами (на посидѣлки) съ пряжею; не будешь пѣть, если на сердцѣ не весело... Въ праздники не станешь съ нами плясать, потому что должна будешь хозяйничать дома и присматривать за малютками дѣтми. Что жъ намъ дѣлать, горемыка ты наша; рады бъ мы тебя избавить (отъ этого горя), да попусту будетъ наше старанье. Что жъ намъ дѣлать, миленькая сестричка? Неужели жъ ты думаешь, что намъ не жаль будетъ, когда тебя не станетъ (у насъ)? Что жъ намъ дѣлать?

Одѣвши невѣсту, боярки вводятъ ее въ комнату, гдѣ матроны садятъ ее посреди комнаты на скамьѣ, покрытой ржанымъ снопомъ; у скамьи ставятъ кувшинъ съ водою. Невѣста, вмѣстѣ съ боярками, поетъ къ своей матери:

Съяла така-то долю

Съдзачи надъ вадою:

Ой, пльви жъ ты, доля, зъ вадою

Я паплыву зъ табою;

Тамъ мы адпочнемъ

Да-й—лпсть да мамы пошлемъ.

Най же мама знае,

Што мяне малу дае,

Не научивши мяне

Вселькай работы

* Зязюлька, съ чешскаго Zuzulka, собственно значить кукушка; въ переносномъ смыслѣ—плачущій, горящій неугѣшно, горемыка; а иногда: миленькій, ая, голубушка!..

На эдь пришлай заботы;
 Научаць мяне людзи
 Тагда матць жаль будзе...

(Гадала (такая-то) о своей судьбѣ, сидя надъ водою. Ой, плыви жъ ты, доля, съ водою, и я поплыву съ тобою. Тамъ мы отдохнемъ и письмо къ матери пошлемъ: пусть же мать знаетъ, что она отдастъ меня (другому), не выучивши всякимъ работамъ, чтобъ не было потомъ заботы; научать меня люди, но тогда-то пожалѣетъ меня мать).

Къ этому времени старается прѣѣхать женихъ съ боярами: ихъ встрѣчаетъ отецъ невѣсты...

Женихъ-застѣвковецъ обыкновенно надѣваетъ темно или свѣтло-сѣрый (шерачковый) сюртукъ съ талією, отороченною безконечными складками и такіе же панталоны, спущенные по верхъ сапоговъ; сюртукъ большею частью бываетъ испещренъ металлическими пуговицами и кой-гдѣ, особенно на воротникѣ, синими гарусными сюрками: шапка или шляпа, какъ выше замѣчено, украшается лентами; шейный платокъ бѣлый.

Вмѣстѣ съ женихомъ входятъ, иногда, и отецъ его (если есть). Бояре одѣты почти также, какъ и женихъ, только у нихъ не бываетъ ленты на шапкахъ; за то всѣ они имѣютъ въ рукахъ по большому красному платку и полотенцу чрезъ плечо: полотенца эти перѣдко испещряются узорами изъ разноцвѣтной шерсти.

Поездъ жениха встрѣчаетъ отецъ невѣсты и вводитъ въ общую комнату, гдѣ гости на время садятся, а невѣста, привставъ съ мѣста, обращается къ своимъ родителямъ съ слѣдующею пѣснью:

Бадечки мае родненькіе
 Милые-пригоженькіе!
 Дайте мнѣ каня у возъ,
 Кабъ мяне да шлюбку завезъ,—
 Да на тую гору крутую
 Падъ церкавъ святую,
 Гдзѣ людзи збираютца
 Госпаду Богу кланяютца, —
 Низенька и пакоренька
 Госпаду Богу пріёмненька.

(Родные, милые, добрые мои родители! Дайте мнѣ телѣгу и лошадей, чтобъ она завезла меня на ту крутую гору, во святую церковь,

гдѣ люди собираются молиться Господу Богу, молиться некрепко и покорно, во славу Божию).

Отецъ невѣсты встаетъ и, взявъ ее подъ руку, ведетъ на дворъ и сажаетъ въ незапряженную телѣгу; женихъ обязанъ запретъ лошадей. Вѣстѣ съ невѣстою садятся—сватья и двѣ боярки. Впрочемъ поѣздъ невѣсты бываетъ на второмъ мѣстѣ: впереди обыкновенно ѣдетъ музыка и играетъ до самой церкви. За невѣстой ѣдутъ прочія боярки; за боярками остальной поѣздъ женщинъ и мужчинъ стариковъ. Женихъ же и его бояре верхомъ на лошадяхъ скачутъ по сторонамъ поѣзда невѣсты. Замѣчательно, что и у застѣнковцевъ и вообще у поселянъ бѣлорусскихъ свадебный поѣздъ никогда не ходитъ въ церковь пѣшкомъ, хотя бы церковь отстояла отъ дома невѣсты на пять шаговъ; для большей торжественности ѣдутъ; нерѣдко тянется до 10 и 15 поѣздовъ. Дома остаются матери невѣсты и жениха...

Лишь только тронутся съ мѣста телѣги, бояре начинаютъ пѣть:

У недзѣлю рана
Мора узыграла,
Дзѣвчина патапала
Свайго атца жадала:
«Гатачка мой любви!
Не дай мнѣ утапцта,
Зѣ гетымъ морамъ павлытца.»
— Дачушка мая любя!
Я да гады не смѣю
И плаваць ня умѣю.
У недзѣлю рана,
Мора узыграла
Дзѣвчина патапала
Свайей матки жадала:
«Матка мая любя!
Не дай мнѣ згнуць

Зѣ гетымъ морамъ плынуць!»
— Дачушка мая любя!
Я да гады ня смѣю,
И плаваць ня умѣю...
У недзѣлю рана
Мора узыграла
Дзѣвчина патапала
Свайго милага звала:
«Ой мильжѣ, мой любви!
Не дай мнѣ морамъ захлынутца,
На днѣ у моры апенутца.»
— Красачка жѣ ты мая любя!
Да я жѣ гады ня баюся, —
Цябе вызвалю и самъ не утаплюся;
Гдзѣ човещ и весельце, —
Хадзи сюды мае серце! *

(Въ воскресенье, утромъ,* взволновалось море; дѣвица (въ немъ) тонула и такъ умоляла о помощи своего отца: милый мой батюшка! не дай мнѣ утонуть, погибнуть въ волнахъ этого моря! (А отецъ въ отвѣтъ): дочка моя милая! я не смѣю подойти къ водѣ, потому что плавать не умѣю. Въ воскресенье утромъ, взволновалось море; дѣвица

* Похожая пѣсня поется при свадьбахъ у сербовъ. Wuk. St. Karadzicz. Pesn. T. I. pesn. 101.

тонула (въ немъ) и такъ умоляла мать о помощи: милая моя, матушка! Не дай мнѣ погибнуть въ волнахъ этого моря! А мать въ отвѣтъ: дочка моя милая! Я не смѣю полойти къ водѣ, потому что плавать не умѣю. Въ воскресенье, утромъ море взволновалось, тонувшая дѣвица звала на помощь своего возлюбленнаго: Ой, милый мой! Не дай мнѣ захлебнуться морскою водою. А тотъ отвѣчаетъ, милая моя красавица! Я не боюсь воды, я спасу тебя и самъ не утону. Гдѣ лодка и весло? Ступай сюда, мое сердце).

Во время совершенія брака, бояре и боярки строго наблюдаютъ, чтобъ которое нибудь изъ брачующихся лицъ не подняло руки со свѣчей выше другаго, ибо думаютъ, что тотъ, кто подниметъ руку выше, будетъ первенствовать или командовать въ семейномъ быту. Въ то время, какъ пастырь церкви совершаетъ обрядъ наложенія вѣнцовъ на головы молодыхъ, боярки привѣтствуютъ сзади къ воротникамъ рубашекъ жениха и невесты вѣнки изъ свѣжей зелени (если зимой, изъ засушенныхъ цвѣтовъ, обыкновенно хранящихся въ Бѣлоруссiи въ каждомъ домѣ). По окончанiи брака, бояре снимаютъ эти вѣнки и раздѣляютъ между собою по вѣткѣ на память.

Возвращаясь домой, вся свита свадебная поетъ разныя пѣсни и невеста всякому встрѣчному бросаетъ мѣдныя деньги. Подъѣзжая къ дому невесты, боярки поютъ слѣдующую привѣтную пѣсню вышедшей навстрѣчу имъ матери жениха съ хлѣбомъ солью:

«Адчини мамухна новый дворъ,
Вотъ табѣ нявѣстка, якъ яворъ.
Адчиви мамухна ваконца,
Вотъ табѣ нявѣстка, якъ сонца.
Занали свѣтчку, дзяцѣмъ на устрѣчку:
Першае раджонае, другое сужонае...

(Отвори, мать, новый дворъ, вотъ тебѣ невестка, какъ зеленое дерево; отвори, мать, окно, вотъ тебѣ невестка, какъ солнце; зажги свѣчу навстрѣчу дѣтямъ, изъ коиъ одно родное, а другое суженое).

У дверей дома свиту встрѣчаетъ мать невесты съ зажженною восковою свѣчей, и взявъ жениха и невесту подъ руки, проводитъ въ комнату и усаживаетъ за столомъ, гдѣ номѣщаются и гости. Затѣмъ слѣдуютъ угощенiя и пляски подъ музыку.

Ровно въ полночь, матроны стараются почти насильно увести невесту въ особую каморку и тамъ надѣваютъ ей на голову *чепецъ*, нередко дѣлаемый изъ богатой старосвѣтской парчи. Когда введутъ ее въ

общую гостиную, она снимаетъ съ головы чепецъ; но на мѣсто его тотчасъ надѣваютъ замужнія женщины другіе чепцы, нарочно для этого случая пригволенные, въ видѣ подарковъ. Невѣста поочередно снимаетъ ихъ и прячетъ; наконецъ подходитъ женихъ и собственноручно надѣваетъ чепецъ изъ какой-нибудь дорогой матеріи съ галунами, и тогда невѣста не смѣетъ уже снять его...

Въ такомъ видѣ невѣста кланяется на всѣ стороны; замужнія женщины подходятъ къ ней и каждая, поочередно, должна сдѣлать одинъ туръ танца, извѣстнаго подъ именемъ *очепнаго*, получившаго очевидно свое названіе отъ *очепинъ*, т. е. надѣванія чепца.

Наконецъ, когда всѣ натѣшатся весельемъ, невѣста подходитъ поочередно къ каждому изъ гостей и съ нижайшимъ поклономъ говоритъ: «Заставайцесь зъ Богомъ!» т. е. оставайтесь съ Богомъ, или что то же, прощайте. Это значитъ: можете веселиться безъ меня, или ступайте спать!..

На другой день у дверей *каморки* молодыхъ гремитъ музыка *на-дзень добры*, а бояре и боярки поютъ пѣсни до тѣхъ поръ, пока наконецъ не выйдетъ молодой, который обязанъ при этомъ обдарить ихъ, равно какъ и музыкантовъ деньгами (хоть по копѣйкѣ). Когда выйдетъ молодой, матроны и всѣ замужнія женщины бѣгутъ въ каморку къ молодой, и чрезъ нѣсколько минутъ выводятъ ее, въ сопровожденіи музыки, въ гостиную, въ томъ самомъ чепцѣ, который подарилъ ей женихъ... Тутъ начинаются пляски...

Случается иногда, что невѣсту выводятъ въ старомъ платкѣ, но въ такомъ случаѣ пляски небываетъ...

КОРАЛЛОВЫЙ БРАСЛЕТЪ.

Повѣсть Амедея Ашара.

I.

Если кто-нибудь проѣзжалъ, лѣтъ за двадцать по берегамъ изви-
листой Геи, что въ Менской провинціи, тотъ конечно былъ пораженъ
дикостью страны и безмолвнымъ величіемъ дремучихъ лѣсовъ и сте-
пей, не оглашаемыхъ ни малѣйшимъ шумомъ. Степные, бурые воли
паслись на свободѣ, и многочисленныя стада барановъ отдыхали на при-
вольныхъ лугахъ, подъ защитою поджарыхъ сторожевыхъ собакъ. Не
было видно ни одного земледѣльца въ полѣ, ни одного разнощика на
проселочной дорогѣ, ни одной прачки у берега ручья. Небольшія струи
голубаго дыма клубились изъ соломяныхъ крышъ бѣдныхъ домиковъ,
осѣненныхъ каштанами. Мѣстами старые пастухи, сгорбившись отдыха-
ли въ тѣни деревь. По мѣрѣ приближенія къ косякъ земли, образуе-
мой теченіемъ рѣкъ Геи и Сарты, къ печальному чувству, внушаемому
скучною мѣстностью, присоединялось беспокойство. При малѣйшемъ шу-
мѣ на дорогѣ, изъ оконъ разбросанныхъ хижинокъ выглядывали боязли-
вые поселяне. Ружья, составленныя въ козлы, блестѣли между кустар-
никами, и часовой мѣрнымъ шагомъ ходилъ у раскинутыхъ палатокъ.

Это было въ Сентябрь, 1831 года; всѣ селенія западной Франціи
были поражены страхомъ.

Нѣсколько стычекъ происходило въ этой части департамента Сар-
ты, и многія жилища въ лѣсахъ Вадръ и Грандъ-Шармъ были лишены
своихъ обитателей. Посылся слухъ, что двѣнадцать шуановъ (такъ
назывались приверженцы французскаго короля), избѣгнувъ пораженія,
скрылись въ лѣсахъ, находящихся между Геею и Сартою; но такъ какъ
ихъ преслѣдовали стрѣлки и національные гвардейцы Лазюца, Нойена

тѣхъ и другихъ — собственно повеселиться, повидаться съ знакомыми дѣвцами, нерѣдко невѣстамъ, съ которыми парни не могутъ встрѣчаться въ домахъ, гдѣ служатъ тѣ и другія. Здѣсь все чинно: никакого буйства и шума не встрѣтите, потому что увеселенія эти большею частію обходятся безъ вина; угощаютъ преимущественно другъ друга пивомъ и сладкимъ питиемъ медомъ. Различіе же то, что на Саксонскихъ островахъ встрѣчаются нерѣдко горничныя и лакеи, следовательно болѣе или менѣе народъ понатертый и притомъ въ тонкомъ платьѣ, тогда какъ на бѣлорусскихъ игрищахъ увидите исключительно поселянъ и развѣ въ мѣстечкахъ или большихъ селахъ, прилегающихъ къ помѣщичьимъ дворамъ, иногда дворчанъ, то есть дворовыхъ людей. За то на послѣднихъ игрищахъ сохраняется болѣе народности какъ въ нарядахъ, такъ въ обращеніи, пляскахъ и вообще способѣ препровожденія времени просто, чисто по деревенски; здѣсь и музыка обыкновенно незатѣйливая: она состоитъ изъ одного скрипача и очень рѣдко изъ двухъ-трехъ.

На игрища собираются не раньше шести часовъ вечера и просиживаютъ нерѣдко далеко за полночь. Пляски начинаются тогда, когда соберутся посѣтители въ большомъ количествѣ и особенно, когда явятся такъ-называемые *водары**, или что тоже главные кавалеры, завѣдующіе и дирижирующіе дѣломъ обществомъ. Эти водары—извѣстные въ деревнѣ ловкостью, красотою и молодечествомъ, а следовательно и видные женихи; впрочемъ они имѣютъ своихъ избранныхъ дѣвицъ, предполагаемыхъ невѣстъ, и съ ними больше пляшутъ на игрищахъ. Водары пользуются общимъ уваженіемъ: имъ повинуются музыка и все собраніе молодежи; къ нимъ обращаются за совѣтомъ и спрашиваютъ у нихъ согласія на такой или другой танецъ всѣ желающіе плясать.

Такъ какъ игрища составляютъ общественное сборище, на которомъ нерѣдко завязывается знакомство парней съ дѣвцами и въ слѣдствіе того часто рѣшается судьба тѣхъ или другихъ, то на игрища являются въ возможно-нарядныхъ платьяхъ. Парни стараются имѣть почище и поновѣе *свитки*, побольше цвѣтныхъ лентъ на фуражкахъ, блестокъ и запонокъ на рубашкахъ, а главное *почерниѣ* сапоги. Нужно замѣтить при этомъ, что въ Бѣлоруссіи больше ходятъ въ лаптяхъ, сапоги надѣваютъ только въ праздники или по какому нибудь другому торжественному случаю, но и тутъ большею частію смазанные только сѣломъ безъ сажи, слѣдственно рудые, смазанные же дегтемъ рѣдко попадаются. Въ свою очередь и дѣвцы принарядиваются какъ можно лучше: главное украшеніе ихъ составляютъ безчисленные снурки разноцвѣтнаго бисера

* *Водаръ* отъ слова водить, руководить, значитъ собственно-водитель, руководитель.

и стекляруса на шеѣ; кромѣ того обуваютъ башмаки нерѣдко съ подковками и даже какими-то погрешками.

Цѣль нарядовъ, какъ сказано уже, та, чтобъ поправиться другимъ и имѣть болѣе возможности плясать, потому что кто лучше одѣтъ, тотъ чаще выбираютъ на пляски. Чѣмъ *наряднѣе* общество, тѣмъ веселѣе проводятъ время. Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ, что въ составъ *наряднаго* общества входятъ люди посторонніе, не принадлежащіе къ сельскому быту или сословію дворянъ. Напротивъ, имѣть ничего легче разстроить это общество деревенское, какъ явиться туда какому-нибудь горожанину или проезжему господину въ городскомъ платьѣ: появленіе подобныхъ посѣтителей разгоняетъ цѣлое общество. Оттого-то желающіе короче познакомиться съ бытомъ бѣлорусскихъ поселянъ, и особенно ихъ правами и пѣнями, которыя всего легче можно подмѣнить на подобныхъ общественныхъ сборнищахъ, должны передѣваться въ простонародную одежду, и въ ней уже являться на игрища. Такимъ образомъ и мнѣ приходилось дѣлать, и только такимъ способомъ я могъ собрать пѣсни и поговорки бѣлорусцевъ. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что для посѣщеній игрищъ необходимо знаніе бѣлорусскаго языка.

Когда соберется ожиданное общество, водары обращаются къ музыкантамъ съ поклономъ и, заплативъ имъ условленную плату за первый танецъ, именно три копейки съ брата, подходятъ къ избраннымъ дѣвицамъ и *ангажируютъ* ихъ на танецъ. Тоже дѣлаютъ и прочіе парни, то есть каждый платитъ музыкантамъ три, иногда и двѣ копейки, и становится на мѣсто танца съ дѣвицею. Водары, разумѣется, всегда занимаютъ первыя мѣста. Очень интересно, какъ выбираютъ дѣвицы для танца парни, не имѣющіе своихъ избранныхъ. Заложивъ руки за поясъ, они обыкновенно фертомъ расхаживаютъ среди танцующихъ и разсматриваютъ дѣвицъ, которыя прячутся отъ нихъ и закрываютъ свои лица руками или передниками. Эта церемонія продолжается иногда довольно долго, такъ что нерѣдко водары заставляють дѣвицъ согласиться на предложеніе того или другаго парня. Причина же, почему нѣкоторыя дѣвицы не вдругъ принимаютъ предложенія нѣкоторыхъ парней, та, что парни эти не нравятся имъ никому вѣдучь.

Игрища открываются танцемъ—*каласодъ*. Названіе такое онъ по-

Музыкѣ платятъ обыкновенно парни, дѣвицы же пляшутъ на счетъ кавалеровъ: своего танцавость!!...

саро Канту. Это было его послѣднее прощаніе съ умершею. Увидя меня, онъ быстро вскочилъ и зарыдавъ упалъ въ мои объятія. Я старался успокоить его, и мы оба вышли.

— А что, сказала онъ мнѣ вдругъ, когда мы были на улицѣ, въѣвъ по лицу моему не видно, что я плакалъ?

— Что жъ за бѣда? вы имѣете право оплакивать ее...

— Нѣтъ, саро роета, моя невѣста не очень снисходительнаго нрава, и если она замѣтитъ...

— Но въдь она любитъ васъ...

— Конечно!.. Даже больше нежели нужно... Но я радъ, я совершенно счастливъ. Помните разговоръ мой съ Именою: ну, что было бы со мною, еслибъ она согласилась быть моею женою. Въдь я бы сегодня былъ уже вдовцемъ. Я не пережилъ бы этого несчастія. А теперь я не смѣю даже печалиться!..

(Lesefrüchte).

БѢЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ПОВѢРЬЯХЪ.

Статья П. М. Шпилевскаго.

12. ИГРИЩА.

Игрищами въ БѢлоруссіи называются общественныя собранія и неразлучныя съ ними пляски въ корчмахъ, устраиваемыя обыкновенно, по предварительному согласію всей молодежи извѣстнаго села или деревни, во время святокъ и иногда, очень рѣдко, лѣтомъ*. На эти игрища собирается молодежь съ родными, которые неотлучно находятся при ней, особенно при дѣвицахъ, до самаго окончанія плясокъ. Можетъ быть, кто нибудь подумаетъ, что такъ какъ эти собранія бывають въ корчмахъ, то есть постоянныхъ дворахъ, извѣстныхъ продажей вина и вообще всего хмѣльнаго, то, конечно, необходимо тамъ безъ пьянства. Такъ думать, значитъ не имѣть понятія о бѢлорусскихъ правахъ или смѣшивать игрища бѢлорусскія съ увеселеніями великорусскихъ крестьянъ и польскими гулянками: игрища бѢлорусскія только отчасти имѣють и некоторое сходство съ польскими гулянками, именно съ варшавскими. Будучи въ Варшавѣ, я имѣлъ возможность сравнить тѣ и другія увеселенія, посѣщая для этого сборища простонародья на такъ-называемыхъ *Саксонскихъ островахъ* (Saska kera), что на Прагскомъ предместьи за Вислой. Сходство между бѢлорусскими и прагско-варшавскими сборищами то, что цѣль

* Лѣтомъ эти игрища бывають больше послѣ уборки съ полей и огородовъ конопли, отчего и называються *конопельными*; при чемъ и самыя ивѣни посѣять названіе *конопельныхъ*.

лучиль, вѣроятно, оттого, что танцующіе ходятъ только кругомъ. Этотъ танецъ очень похожъ на *польскій* (полонезъ). Различіе въ томъ, что парни въ одной рукѣ держатъ платки и, пристукивая каблуканъ, машутъ платками на всѣ стороны.

Во время коловода, пляшущія дѣвѣцы поютъ:

Калаводъ гой-да-да!

Чья дзѣвка малада?

Чы дзякова, чы вайтова,

Альба наша мужикова?

Калаводъ густа-та —

Чья дзѣвка красата?

Чы дзякова, чы вайтова?

Таки наша мужикова...

(Коловодъ гой-да-да! Чья дѣвица молода? Дочь дьячка, или войта, а можетъ быть и нашего брата, мужика? — Коловодъ *густа-та* (переводимое междомѣтіе)! Чья дѣвица красавица? Дочь дьячка или войта? Нѣтъ, дочь крестьянина!)

Во время танца калавода, равно какъ и другихъ танцевъ, въ пѣсняхъ часто встрѣчаются сравненія дѣвицъ крестьянскихъ съ дочерьми дьячка, войта и нерѣдко писаря (волостнаго, сельскаго), а потому не мѣшаетъ замѣтить, что причина такихъ сравненій и вообще воспоминаній объ этихъ лицахъ заключается въ томъ, что въ прежнія времена дѣти сельскихъ дьячковъ, нерѣдко выбираемыхъ изъ поселянъ, войтовъ (то есть старостъ или досмотрщиковъ въ имѣніяхъ) и писарей участвовали въ игрищахъ вмѣстѣ съ крестьянами. Нынче, конечно, этого не бываетъ, и въ пѣсняхъ сохранилось только преданіе о быломъ.

Послѣ калавода бываетъ небольшой отдыхъ и угощеніе. Парни угощаютъ своихъ дѣвицъ пивомъ, медомъ и очень рѣдко водкой. За этимъ угощеніемъ строго слѣдятъ матери и отцы, которые большею частью остаются въ одной комнатѣ съ танцующею молодежью. Впрочемъ, случается иногда, что какой нибудь парень, понавшій на игрище безъ родителей, позволяетъ себѣ нѣкоторыя шалости и веселится не въ мѣру: но за то подобная неумѣренность стоитъ ему не дешево; корчмарь, то есть содержатель корчмы, пользуется его нетрезвостью и заставляетъ его рѣшаться на тройные и четверные проценты. А въ прежнія времена, именно, когда корчманъ завѣдывали жида, шалости невоздержна-

го поселянина обходились еще дороже: нерѣдко жидь-арендаторъ выманивалъ послѣднюю корову или теленка, и даже рожь или пшеницу на корнѣ. Въ такомъ случаѣ жидь-корчмарь давалъ разгулявшемуся парню *двуконечный* мѣлокъ, и тотъ собственною рукою *карбовалъ* (чертилъ) свои долги на стѣнѣ вдвое*; будучи въ нетрезвомъ видѣ, парень не замѣчалъ такой плутни, и на другой день безспорно долженъ былъ расплачиваться съ корчмаремъ по записанному счету; въ противномъ случаѣ терялъ всякое довѣріе мнимаго своего благодѣтеля и не могъ имѣть входа въ корчму.

Послѣ калавода слѣдуютъ другіе танцы; болѣе замѣчательные и характеристическіе, изъ нихъ суть: *журавель*, *горлица*, *вербавінецъ*, *чурылла*, *казакъ* и *чабарашка*.

Журавель. Журавель—отъ птицы *журавель*, аистъ—получилъ названіе такое потому, что танцующіе медленно поднимаютъ то правую, то лѣвую ногу, подобно аисту, и вообще представляютъ изъ себя эту птицу всеми возможными тѣлодвиженіями. Танецъ этотъ состоитъ въ томъ, что нѣсколько паръ, взявшись за руки, образуютъ кругъ: въ среднѣй круга ходитъ парень, который собственно и называется журавлемъ. Въ то время, когда пары кружатся, журавель постоянно подкрадывается къ дѣвицамъ и старается вырвать которую нибудь изъ рукъ кавалера, но кавалеръ ловко увертывается съ своею дѣвицею. Между тѣмъ дѣвицы поютъ:

Да уназвися журавель
 Да да нашихъ канпель:
 Таки—таки журавель,
 Што не выгнаць его нигдзѣль;
 Таки—таки чубаты,
 Таки—таки насаты!

(Повадился аистъ въ наши конопля; такой-такой аистъ, что никакъ не выгнать его; какой хохлатый! а съ какимъ клювомъ!)

* Эту плутню жидовь-корчмарей очень вѣрно изобразилъ бѣлорусскій (минскій) писатель В. Дунин-Марцинкевичъ въ извѣстной народной опереткѣ: *Селянка*. Вотъ какъ въ этой опереткѣ уговариваетъ жидъ Пидекъ поселянина Гита брать водку въ долгъ: «Ну... если не заплатишь, то *закарбуй*, а мы паничамъ; и я приму старшу сѣна, сто у тебе у карбунцѣ, и ещѣ на барысь квартиру гарелки поставлю...—То есть: Ну... если не заплатишь, то заплатишь, а мы сосчитаемъ; я возьму и стогъ сѣна, что у тебя въ сараѣ, и еще въ сараѣ поставлю тебѣ мѣрку водки.

Наконецъ, когда дѣвицы закричатъ: *хапай, журавель!* (хватай, лови, ансть!), журавель долженъ схватить которую либо изъ дѣвицъ за руку и съ нею сдѣлать кругъ, если же не схватитъ, опять остается въ кругу; но если схватитъ, то на его мѣстѣ остается тотъ, кто лишился своей пары. Во всякомъ случаѣ оставшійся не въ парѣ съ дѣвицею обязанъ угостить музыканта.

Горлица. Тоже отъ названія птицы. Образуется большой кругъ изъ нѣсколькихъ парней и дѣвицъ: внутри круга вертится въ разныя стороны дѣвица съ завязанными платкомъ глазами и, въ то время, когда пары кружатся какъ можно скорѣе, она должна указать рукою на мужчину и остановить его; остановленный мужчина лишается своей дѣвицы, которая входитъ въ средину круга и дѣлаетъ тоже, что и первая. Если же находящаяся внутри круга дѣвица остановить рукою дѣвицу, а не мужчину, то она обязана поцѣловать въ лицо кавалера остановленной ею дѣвицы, и потомъ опять остается внутри круга. Находящаяся внутри круга дѣвица и называется горлицею, а оттуда и самый танецъ получилъ названіе *горлицы*. Во все время танца парни поютъ:

Ой, дѣвчина горлица
Да да хлоща горница;
А хлапчина якъ арѣль
Якъ пабачивъ, ажна умѣръ!

(Ой, дѣвица горлица къ дѣтвѣ льнетъ; а дѣвица точно орелъ, какъ замѣтилъ это, такъ и обмеръ—съ радости).

Этотъ танецъ очень часто повторяется по желанію парней, потому что во время его не одному изъ нихъ приходится поцѣловать любимую дѣвицу, — а дѣвицъ—любимаго парня.

Танецъ прекращается по желанію дѣвицъ.

Большею частью этимъ танцемъ заключается играше. Причина помята: каждому парню хочется получить на прощаніе невынужденный, добротный поцѣлуй предположенной невесты или вообще нравящейся дѣвицы.

Вербованецъ. Этотъ танецъ носитъ названіе отъ слова—*вербовать*, выбирать. Онъ состоитъ въ томъ, что мужчины и дѣвицы раздѣляются на двѣ равныя по числу половины: мужчины выходятъ въ другую комнату, а дѣвицы, оставшія въ главной, такъ называемой *сборной*, выбираютъ, каждая, по одному парню; условившіеся такимъ образомъ, дѣвицы садятся полукругомъ на скамьяхъ и поютъ:

У Заславлю * славнымъ мѣсьцѣ
Звербавали хлопцавъ двѣсьцѣ.
А чымъ жа ихъ вербавали?
Гарныхъ жоуакъ даравали.

У Заславлю славнымъ мѣсьцѣ
Звербавали хлопцавъ двѣсьцѣ:
И ваитовы и писары
Всѣ туды—отъ приставали.

Пристань, Юрка, да вербунку
Будзешъ ѣсьци зъ масломъ курку,
Будзешъ ѣсьци, будзешъ пица,
Будзешъ якъ панокъ хадзица.

Забудзь тату, забудзь маму
А самъ пристань къ вербаваню!
Цяперъ маешъ гараваци,
Лещый зъ жонкай гацаца.

(Въ знаменитомъ городѣ Заславлѣ на вербовали двѣсти парней. Чѣмъ же ихъ заманили? А тѣмъ, что выбрали имъ красивыхъ женъ. Въ знаменитомъ городѣ Заславлѣ на вербовали двѣсти парней: тутъ были и дѣти войтовъ, и писарей, всѣ пристали туда. Согласись, Юрій (иногда переимѣняють и другое имя, нерѣдко каждаго парня называютъ его именемъ), перейти на нашу сторону, будешь кушать курицу съ масломъ; будешь ѣсть, будешь пить, будешь ходить точно баринъ!.. Забудь отца, забудь мать, переходи на нашу сторону! Чѣмъ теперь лишь горевать, такъ не лучше ли веселиться съ женою?).

Во время пѣнія этой пѣсни, парни по одному выходятъ изъ другой комнаты, и приплясывая называютъ какую нибудь дѣвицу по имени, думая, что она выбрала его; если парень угадаетъ, дѣвица встаетъ и подходитъ къ нему; сдѣлавъ кругъ, парень сажаетъ дѣвицу на прежнее мѣсто, а самъ садится возлѣ другой какой нибудь дѣвицы, съ тѣмъ, чтобъ обмануть слѣдующаго парня, который послѣ него будетъ выбирать себѣ дѣвицу и можетъ подумать, что эта именно дѣвица выбрана имъ. Если же парень не угадаетъ, то всѣ дѣвицы встаютъ съ своихъ

* Заславль имѣетъ мѣстечко въ Минской губерніи, а въ древности—городъ, построенный Владиміромъ Великимъ; въ этой пѣснѣ онъ называется славнымъ, знаменитымъ городомъ, согласно съ показаніемъ лѣтописей.

иѣсть и, хлопая въ ладоши, выгоняють его; этотъ парень до тѣхъ поръ является, пока наконецъ не выбереть ту, которая его выбрала.

Когда же всѣ выберуть себѣ дѣвицы, то начинаютъ танцовать нѣчто въ родѣ вальса; различіе только то, что не мужчина одинъ обхватываетъ талию дѣвицы, но въ одно и тоже время и дѣвица обхватываетъ талию парня. Пѣсня своимъ порядкомъ продолжается до окончанія танца, который прекращается тотчасъ послѣ двухъ, трехъ круговъ.

Этотъ танецъ рѣже употребляется, вѣроятно потому что слишкомъ многосложенъ и отнимаетъ не мало времени, а главное — производитъ большой крикъ и шумъ.

Чурылла. Самое уже слово *чурылла* показываетъ, что этотъ танецъ довольно древній, и чуть ли не отъ временъ славяно-русскаго языка ведетъ свое начало. Извѣстно что у славянъ вообще и въ частности у славянъ-русскихъ, въ числѣ разныхъ божествъ, былъ *Чурь-богъ*, духъ, охраняющій границы земель; объ немъ сохранились преданія чуть ли не въ цѣлой Россіи, а въ Бѣлороссіи самыя опредѣленныя повѣрья и даже разныя пословицы *. Очень можетъ быть, что вмѣстѣ съ этими же вѣрованіями, въ честь того же Чура сохранился и танецъ чурылла. Такъ думать можно тѣмъ болѣе, что самое свойство и содержаніе танца, какъ увидимъ дальше, напоминаютъ нѣчто въ родѣ раздѣленія и какъ бы охраненія границъ...

Впрочемъ, кромѣ такого смѣлаго предположенія можно еще прибѣгнуть къ другимъ, основаннымъ также на древнихъ памятникахъ. Можно производить танецъ чурылла отъ героя *Чурылло*, о которомъ упоминается въ старинныхъ русскихъ сказкахъ, какъ о какомъ-то мифологическомъ лицѣ; въ нихъ говорится, что Чурылло по прозванію Пленко, жилъ во время Владиміра Великаго, славился набѣдничествомъ и имѣлъ великолѣпный дворецъ, въ которомъ не разъ принималъ и угощалъ самаго князя Владиміра. Вотъ отрывокъ изъ одной старинной пѣсни **.

Тутъ Владиміръ на то слово спохватился:

Кто это Чурылло есть таковъ?

Выступился тутъ старой Бермята Васильевичъ:

— Я-де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю;

Чурила живетъ не въ Кіевѣ,

А живетъ онъ пониже малаго Кіевца.

* См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1846 г. Прибавл. кн. 1. статью: Бѣлорусскія народныя преданія; стр. 19. Слово *чурь-богъ*.

** Древнія русскія стихотворенія, собр. Кир. Даниловымъ. Москва 1818 г.

Дворъ у него на семи верстахъ,
 Около двора желѣзный тынъ (стѣна);
 На всякой тыненькѣ (желѣзная доска) по маковкѣ
 А и есть по жемчужникѣ;
 Среди двора свѣтлицы стоять,
 Грядни бѣлодубовыя
 Покрыты сѣрымъ бобромъ
 Палолокъ черныхъ соболей
 Матица то вальженая;
 Полсерета одного серебра,
 Кривки да пробои по булату злачены.
 Первые у него ворота валасчатые,
 Другіе ворота хрустальные;
 Трети ворота оловяные.

А въ хроникѣ Червоной Руси говорится, что въ Галиціи въ XV вѣкѣ существовала какая-то фамилія Чурилло съ гербомъ, *Корчакъ*, отчество которой Нѣсецкій полагаетъ землю *Премыскую* *; объ этой фамиліи сохранилось преданіе, что въ 1570 году нѣкто Мартинъ Чурилло прославился въ сраженіяхъ съ турками и волохами; въ награду за безпримѣрную его храбрость и стойкость, бывшій въ то время русскій воевода Юрій Язловецкій выдалъ за него свою дочь Анну **.

До какой степени всѣ эти предположенія вѣрны, предоставляю на судъ авторитетныхъ археологовъ и филологовъ; во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что въ этихъ предположеніяхъ можетъ быть часть правдоподобнаго намека на древнее происхожденіе существующаго въ Бѣлоруссіи танца *Чурылло*.

Въ чемъ же состоитъ этотъ танецъ?

Обыкновенно какъ можно побольше паръ парней и дѣвицъ раздѣляются на двѣ половины: парни становятся подъ рядъ въ длину съ одной стороны, а дѣвицы въ такомъ же порядкѣ, каждая противъ своего парня, съ другой. Между послѣднею парой становится болѣе видный мужчина, который и называется Чурылло. Начинаютъ танцевать. Съ противоположнаго отъ Чурылла конца сходятся первая пара и, взявшись за руки, какъ можно быстрее вертятся и старается обойти кругомъ

* Niesiecki, Korona Polska, T. 1 стр. 389.

** Такое преданіе можно допустить по смыслу нѣсни, которую поютъ во время танца Чурылло. См. тутъ же.

Чурыллы, такъ чтобъ онъ не поймалъ дѣвицы; если не поймаетъ, пара становится выше Чурыллы; между тѣмъ продолжаютъ танцовать слѣдующія пары; если же Чурылло не допуститъ пару къ своимъ границамъ и поймаетъ дѣвицу, то пойманный парень обязанъ стать на мѣстѣ Чурыллы, а Чурылло съ пойманною дѣвицею становится за границею намѣстника своего, и т. д. Когда пара несется мимо Чурыллы, то, во время пѣнія пѣсни всеми танцующими, она кричитъ: *чуръ адъ насъ! пусьци насъ!* (Прочь отъ насъ, пусти насъ!)

Очень замѣчательна пѣсня, которую поютъ во время этого танца, пѣсня, какъ кажется, имѣющая значеніе древне-историческое. Вотъ она:

Ой ты Чурылла пане!
 Гдѣ тваѣ войска стане?
 Гдѣ ягѣ начурышь?
 Якъ ты-зъ имъ парушишь?
 Ой ты Чурылла, ой ты!
 Куды адъ цабе зыйци?
 — Ой на-падъ межою у присьцѣню
 Да насѣю я ячменю:
 У мяне ячень уросъ,
 У ягѣ чырвоный калосъ!
 Ой калѣсь
 Да уросъ!
 А на ячменю я парусу
 Зъ войскамъ вѣрагу на катушу.

(Ой ты, господишъ Чурылло! Гдѣ остановится твое войско? Гдѣ ты назначишь ему мѣсто? Какъ ты съ нимъ выступишь въ походъ? Ой ты Чурылло, ой ты! куда уйти отъ тебя?—Ой, на границѣ двора (или замка, собственно каменной стѣны) я посѣю ячень: у меня ячень выросъ, а на немъ колосъ красный. Ой выросъ колосъ! Вотъ черезъ этотъ ячень я пройду съ войскомъ на погибель врагу!)

Очень ясно, что здѣсь упоминается о походѣ Чурыллы противъ Турокъ. Нельзя ли отнести эту пѣсню ко времени владычества Монголовъ и грабежей Татаръ въ западной Руси?

Танецъ Чурылло тѣмъ интереснѣе, чѣмъ болѣе паръ танцующихъ.

Казакъ. Казакъ извѣстенъ почти въ цѣлой Россіи, и потому онъ не требуетъ особаго описанія. Но такъ-какъ и этотъ танецъ, подобно

прочимъ общественнымъ, собственно *игрищнымъ* танцамъ въ Бѣлорусіи, сопровождается приѣвами и пѣснями, то считаю не лишнимъ привести одну изъ пѣсней, которыя поютъ пляшущіе (парни, иногда впродолженіи и дѣвѣнцы пляшутъ казака) казакъ и которая, вѣроятно, перешла въ Бѣлорусію изъ Малороссіи.

Бхавъ казакъ зъ гары зъ водою
 Гопъ! Гопъ! зъ водою!
 Дай надѣбавъ дзѣвчину зъ бандуринаю
 Гопъ! Гопъ! зъ бандуринаю!
 «Памагай Богъ! Якъ ты маяшея?
 Гопъ! Гопъ! якъ ты маяшея?
 Да дай жа мнѣ бандурку, што на ёй граешъ,
 Гопъ! Гопъ! што на ёй граешъ!»
 — А мая бандурка зъ самага золата
 Гопъ! Гопъ! зъ самага золата.
 Кто на ей заграе, забяре яго ахвѣта
 Гопъ! Гопъ! забяре яго ахвѣта.
 А мая бандурка зъ самага серебра
 Гопъ! Гопъ! зъ самага серебра.
 Кто на ёй заграе, затрасе таго трасца
 Гопъ! Гопъ! затрасе таго трасца.
 А мая бандурка зъ самой мѣдзи.
 Гопъ! Гопъ! зъ самай мѣдзи.
 Кто на ёй заграе, незнае бѣды!..
 Гопъ! Гопъ! незнае бѣды!..

(Бхавъ казакъ съ горы съ водою. Гопъ! Гопъ съ водою! Да встрѣтилъ онъ дѣвѣнцу съ *бандуриной* (инструментъ въ родѣ гитары или торбана). «Помогай Богъ! (говоритъ казакъ). Какъ ты можешь? Дай мнѣ эту бандурку, на которой ты играешь.—(А дѣвѣнца въ отвѣтъ.) О! моя бандурка изъ чистаго золата; кто на ней сыграетъ, того разберетъ охота (веселиться). Моя бандурка изъ чистаго серебра; кто на ней сыграетъ, тогс схватитъ дрожъ (собственно лихорадка). Моя бандурка изъ мѣди: кто на ней сыграетъ, тотъ не будетъ знать горя. Гопъ! Гопъ! не будетъ знать горя!)

О казакъ-танцѣ нужно замѣтить, что его танцуютъ въ Бѣлорусіи только въ принадлежнѣ необыкновеннаго веселья; его нельзя назвать любимымъ народнымъ танцемъ Бѣлорусцевъ.

Чабарашка. Чабарашка не что иное, какъ мазурка съ разными фигурами. Особенность чабарашки та, что ее танцуютъ иногда одиѣ дѣвицы безъ мужчинъ, которыя впрочемъ обязаны платить музыкѣ. Этотъ танецъ очень любимый у Бѣлорусцевъ, и его можно встрѣтить на всякомъ игрищѣ, даже на свадьбахъ. Различіе то, что на свадьбахъ чабарашку пляшутъ безъ пѣсень, а на игрищахъ непременно съ пѣснями. Пѣсень этихъ очень много; приведу нѣкоторыя.

I.

За воротми дудка грае
Мене мацн не пускае;
Пусьци мене мая мацн
За варота пагуляци;
Якъ рыбейка зъ акунцами
Такъ я сабѣ зъ хланцами.

(За воротами музыка (дуда) играетъ, а меня мать туда не пускаетъ. Позволь мнѣ, матушка, поиграть за воротами: я тамъ буду играть съ парнями, какъ маленькая рыбка съ окунями).

II.

На вулицы скрынки граюць,
А мяне маладую не пускаюць;
Пусьци, пусьци мяне, мацн
На вулицу пагуляци.
Цѣлу ночку бѣ гуляла,
А завтра дѣ-свѣта бѣ устала.

(На улицѣ на скринкахъ играютъ, а меня молодую не пускаютъ туда. Позволь, позволь, матушка, мнѣ на улицѣ поиграть; я всю ночь проиласала бы, а завтра съ разсвѣтомъ бы встала).

III.

Пошла (такая-то) у поле жаць
Да забыла хлѣбъ узаяць;

Хлѣбъ узяла, серпъ забыла,
 Таки (такая-то) у дома была.
 Ой ба (такая-то) добре жнець,
 Серпа у руку не возьмець;
 А за (такою-то) густый снопь:
 Повна хлопцавъ бы сто копъ.
 Пашла (такая-то) на бураки
 А за ёю уеъ двараки,
 А вакоманъ изъ пяду:
 «Пачкай (такая-то)! куплю мѣду!..»

(Пошла такая-то на поле жать, да забыла хлѣбъ взять; взяла хлѣбъ, а забыла серпъ, ну, и осталась дома. Охъ ужъ (такая-то) хорошо жнеть: не возьметъ въ руки серпа, а за нею толстый снопь; (не удивительно) у нее множество парней, нажнуть и сто копень! Пошла такая-то за свеклой, а за нею толпа дворчанъ и самъ экономъ впереди; (и кричать:) постой, такая-то! Я куплю тебѣ меду)...

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чабарашка извѣстна подъ именемъ *шумки*.

Кромѣ описанныхъ танцевъ, на игрищахъ бываютъ и другія менѣе извѣстныя пляски. Изъ нихъ можно указать на *коломыйку*, нѣчто въ родѣ кадрили, потому именно, что этотъ танецъ общеславянскій. Онъ извѣстенъ въ Галиціи, польскихъ губерніяхъ, въ Сербіи, у Словаковъ и въ Венгріи. Вѣроятно потому коломыйку не любятъ танцевать въ Бѣлоруссіи, что этотъ танецъ очень вялъ и даже скученъ, а музыка къ нему меланхолическая, заунывная, точно погребальная.

Игрища, какъ сказано выше, продолжаются иногда за полночь. Не смотря на то, участвующіе въ игрищахъ, на другой день встаютъ рано и являются на работу бодрые, какъ будто ничего небывало.

13. ЧАРЫ, ЗАГОВАРИВАЦЯ, СУЕВѢРЬЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ.

Отрывокъ изъ обширнаго сборника.

Кажется, ни одна полоса громадной Россіи не можетъ похвалиться такимъ обиліемъ народныхъ чаръ, заговариваній, суевѣрій и предразсудковъ, какимъ славилась Бѣлоруссія: въ этомъ отношеніи она по спра-

ведливости можетъ быть названа странною волшебствъ и всякихъ дивъ, которыя потому и имѣютъ археологическое значеніе, что въ устахъ народа облечены какою-то таинственностью, начало и разгадка которой доступна только духамъ невидимымъ. Еслибъ, кажется, возможно было когда-нибудь собрать всѣ эти повѣрья бѣлорускаго народа, то изъ нихъ составились бы большіе томы, которые бы пригодились въ области изученія отечественной археологіи. Но то какъ много есть еще такихъ, которые считаютъ собраніе подобныхъ памятниковъ народности тратою времени; какъ много встрѣчается и такихъ, которые печатаніе древнихъ преданій, суевѣрій и поговорокъ считаютъ печатаніемъ ничтожныхъ, глухихъ сказокъ... Мнѣ самому не разъ приходилось слышать подобныя сужденія, такъ-что думалось послѣ того: а въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, мой трудъ напрасенъ?.. Но свѣтъ археологіи разгонялъ всякій разъ эту мрачную думу, и я опять продолжалъ трудиться...

Трудно собрать всѣ повѣрья бѣлорускаго народа, и потому пусть довольствуется читатель тѣмъ, что ему предлагается здѣсь *.

Болѣе всего Бѣлоруссія славилась своими чарами въ самыхъ оригинальныхъ и фантастическихъ видахъ. Нѣтъ деревни, нѣтъ малѣйшаго застѣнка, который бы не имѣлъ своего рода фиглярства и волшебства. Главными хранительницами чаръ считались женщины и по преимуществу женщины старыя, уродливыя, также пожилая дѣвы. Народъ объясняетъ это по-своему, и можетъ быть на какихъ нибудь данныхъ, сохранившихся отъ пращуровъ. Онъ думаетъ, что первыя чары и всякія колдовства произошли отъ женщины, которая, будучи зла на всѣхъ мужчинъ за то, что никто изъ нихъ не хотѣлъ обращать на нее вниманія въ слѣдствіе ея безобразія, рѣшилась прибѣгнуть къ помощи нечистой силы. Спознавшись будтобы съ нечистою силою, она получила силу превращаться въ красавицу, въ разныхъ животныхъ и, при помощи подобныхъ превращеній, стала вредить людямъ. Но такъ какъ нечистая сила потребовала отъ нее соблазна мужчинъ, то она должна была сообщить тайны своего волшебства и мужчинамъ.

Въ Бѣлоруссіи гораздо болѣе встрѣчалось вѣдьмъ, чѣмъ вѣдьмарей; послѣдніе больше извѣстны подъ именемъ *знахарей*, тогда какъ знахарокъ, напротивъ, очень мало. Но знахари и знахарки въ мѣстныхъ народа стоятъ ниже вѣдьмъ и вѣдьмарей: это болѣею частію люди, умѣ-

* Значительная часть мѣологическихъ преданій и повѣрій описана въ журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г. Прибавл. кн. 1, 4; Прибавл. № 3.

иногда заговаривать некоторые болѣзни, залечивать раны посредствомъ волшебныхъ травъ. Она находится въ сношеніяхъ съ вѣдьмами, тогда-какъ вѣдьмы и вѣдьмари имѣютъ, по понятію народа, непосредственныя сношенія съ нечистыми духами.

Главною вѣдьмою считается Баба-Яга Костяная-Нога, которая упоминается во всѣхъ сказкахъ бѣлорусскихъ и играетъ въ нихъ главную роль могущаго духа. Мѣстомъ пребыванія ея считаютъ *Лысую гору* въ *Кіевѣ*; отсюда мнѣніе, что и всѣ вѣдьмы въ полночь, превращаясь въ совѣ, летаютъ туда для совѣщаній съ Ягою. На этомъ основаніи, всякая вѣдьма, колдунья и даже всякая сварливая, злая женщина называется кіевскою вѣдьмою, т. е. имѣющею сношеніе съ Ягой.

Принадлежности каждой вѣдьмы для совершенія чаръ составляютъ: *вегоць* (метла), иготь, клочекъ прядива (кудели) и *ажогъ*, т. е. небольшая палка или кій, съ обожженнымъ концомъ, замѣняющій въ бѣлорусскомъ простонародіи кочергу. Назначеніе *вегтя* есть то, что вѣдьма съ помощію его можетъ испортить только-что выдоенное молоко коровѣ, выгнать *ужей* и *гадюкъ* (безвредныя змѣи) изъ домовъ, гдѣ они любятъ плодиться и тѣмъ приносить счастье извѣстному семьянину, — *закалять* (дѣлать закаль, отвердѣлость подъ нижнею коркой) хлѣбъ и т. д. Для всего этого вѣдьмѣ не нужно превращаться въ то или другое животное, стоить только подумать что-нибудь, шепнуть какія-то таинственныя слова и нѣсколько разъ плюнуть на вегоць. На *и готи* вѣдьмы летаютъ по воздуху и иногда отправляются на *Лысую гору*. Изъ клочка *кудели* вѣдьма или чаровница можетъ выпрясть такую длинную тоненькую нитку, что ею обвивается какъ сѣтью; сдѣлавшись невидимою при помощи этой сѣти, она отправляется на пастбища и въ хлѣбѣ и тамъ выдаиваетъ у коровъ молоко, или же захватываетъ *цѣдилку* (полотенце, сквозь которое процеживаютъ свѣжее молоко), изъ которыхъ тоже дѣлаетъ какое-нибудь употребленіе. Въстарь кочерги, бѣлорусцы назначаютъ чаровницамъ *ажогъ*. Ажогъ очень важенъ для совершенія чаръ. Съ нимъ вѣдьма непобѣдима даже въ борьбѣ съ нечистымъ духомъ: такъ думаетъ народъ, для подтвержденія чего сохранилъ преданіе о силѣ ажога. Говорятъ, будто чаровница-баба когда-то выгнала *нечистика* (нечистаго духа) на борьбу (побороться). Борющихся разъдѣлялъ небольшой заборъ-плетень изъ вербъ. Рѣшено было каждому выбрать любое оружіе: чаровница выбрала *ажогъ*, а нечистикъ—вилы. Нечистикъ первый бросился на чаровницу, но его вилы завязли въ хлѣбѣ; пользуясь этимъ положеніемъ противника, чаровница просунула

ажогъ сквозь плетень и такъ уходила нечистика, что тотъ долженъ былъ уйти со стыдомъ. Есть еще иное назначеніе ажога. На немъ вѣдьмы могутъ ѣздить по верхушкамъ деревъ и высокихъ зданій.

До сихъ поръ говорено было о вѣдмахъ, собственно получившихъ силу отъ нечистыхъ духовъ или Бабы-Яги, съ которыми онѣ бывали въ связи. Но кромѣ этихъ вѣдмъ, по понятію народа, есть еще такія, которыя случайно какъ нибудь доходятъ до чаръ и всякаго колдованія.

За то эти чаровницы не имѣютъ такой силы и дара невидимости, какими владѣютъ вышеописанныя. Вотъ забавное преданіе объ одной изъ нихъ. Одинъ паробокъ (слуга), подмѣтивъ, какъ старуха-хозяйка его, обмочивъ средній палецъ въ какую-то жидкость, превратилась въ рапуху (лягушка) и вмѣстѣ съ прочими подобными ей вѣдмами собиралась отправиться на иготи на Лысую-Гору, вздумалъ побывать на этой же горѣ въ одно время съ своею хозяйкой; для этого онъ обмочилъ свой средній палецъ въ ту же массу и, запрятавшись въ иготъ въ видѣ кошки, очутился на Лысой-горѣ. Тамъ Баба-Яга узнала объ этомъ и не допустила къ своему сборищу такую недалновидную чаровницу.

Вѣдьмы чаровницы и даже знахарки владѣли безчисленными тайнами чародѣйства и заговариваній. Вотъ описаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ—изъ устъ народа.

Чаровница можетъ приворожить парней къ любой дѣвицѣ: для этого она даетъ дѣвицѣ какую-то косточку нетопыря и велитъ имъ колотъ ею парня въ то мѣсто, гдѣ сердце; послѣ чего будто парень не отстанетъ отъ этой дѣвицы.

Чтобъ сдѣлаться невидимымъ, для этого нужно найти гнѣздо съ воронятами и привязать ихъ проволокою къ дереву, такъ чтобъ старыя вороны не могли освободить своихъ дѣтей отъ такой неволи. Для избѣжанія гибели воронятъ, вороны на другой-же день приносятъ въ гнѣздо какой-то черный камушекъ, который дѣлаетъ невидимымъ того, кто постоянно носитъ его съ собою.

Чтобъ вызвать дождь, бросаютъ въ колодезь макъ. А чтобъ разогнать тучи или остановить дождь, для этого объѣзжаютъ три раза вокругъ дома на деревянной лопатѣ.

Если хотять, чтобъ звѣри и всякая дичь сами бѣжали и летѣли на охотника, то обкуриваютъ ружье дымомъ отъ головни. Если же ружье *живитъ*, то дуло обмываютъ водою, въ которой растворяютъ тѣсто, и заговариваютъ слѣдующими словами: *адгавариваюца уроки, радасныя и зависныя, и зъ радасьци и зъ зависьци и мужчинскіе*

жапоцкіе и дзювчія и малыхъ дзюцей и сустречныхъ и на-
речныхъ и жадныхъ поглядѣвъ. (Отчаровывается, т. е. заговаривается, всякая порча и сглазенье, радостныя и завистливыя, мужскія и женскія, дѣвичьи и дѣтскія, всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ подѣлокъ-бы то ни было видомъ).

Чтобъ добыть денегъ, для этого нужно поймать летучую мышь (кажана) закупорить въ какой угодно ящикъ съ безчисленными дырочками; въ такомъ ящикѣ оставить тамъ на тринадцать дней; послѣ чего въ ящикѣ, вмѣсто мыши выйдутъ деньги.—Это повѣрье такъ общепотребительно въ Бѣлоруссіи, что его знаютъ почти всѣ дѣти, и хотя на дѣлѣ убѣдились, что въ ящикѣ никогда не оказывалось денегъ, но все таки не перестаютъ вѣрить въ эти чары.

Чтобъ курей и особенно цыплятъ не хватали хищныя птицы, для этого окуриваютъ ихъ порохомъ или же садятъ *квоктухъ* (курицы, садящія на яйцахъ и квокчущія) на гнѣздахъ, устланныхъ вороньими перьями.

Конвульсіи у дѣтей считаются навожденіемъ злого духа, и потому страдающихъ конвульсіями дѣтей окуриваютъ травю, извѣстною подѣ названіемъ: *катки*.

Если курица поетъ пѣтухомъ, то думаютъ, что въ ней поселился нечистый духъ; для изгнанія его, знахарки, связавъ несчастную птицу, сосають ее отъ одного порога къ другому: если курица очутится у второго порога хвостомъ, то вѣрятъ, что нечистика можно изгнать посредствомъ отсѣченія у курицы хвоста; если-же головою, то это значить, что курица неизлечима, и нечистую силу изъ нее можно изгнать отсѣченіемъ головы, что и дѣлаютъ.

Есть средства чародѣйскія (очевидно не вѣрныя) для отпирания замковъ безъ ключей, именно посредствомъ какого-то *зелья* (травы), которымъ питается дятель. Для этого, говорятъ, стоитъ только огородить гнѣздо съ яйцами осиновыми прутиками, и онъ на другой-же день принесетъ траву, которая имѣетъ силу уничтожать всѣ ограды *.

Чаровницы учатъ также, что можно добыть кладъ при помощи *золотыхъ ножекъ предводителя ужей*, т. е. самаго старшаго ужа. Для этого вотъ что нужно сдѣлать. Въ день 24 іюня, когда всѣ ужьи собираются къ своему старшинѣ, нужно подыттить, какъ бу-

* Что, еслибъ англичане знали про этотъ бѣлорусскій секретъ? вѣроятно, при помощи этого зелья, пустили-бы его въ ходъ! То-то бы досталось русскимъ крѣпостямъ и оградямъ!...
Зелье изъ ключей отворили-бы замокъ *кронштадскій*!..

деть ползти самъ старшій, и разостлатъ предъ нимъ бѣлый платокъ. За такую честь старшина обтираетъ золотыя свои ножки о платокъ; съ этимъ платкомъ и можно отыскивать клады.

Не менѣе чаръ найдете въ Бѣлоруссiи предрасудковъ и суевѣрій. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились отъ язычества. Привожу здѣсь болѣе интересныя, имѣющія значеніе въ археологическомъ отношеніи.

— Накзнувъ Купалы собирають цвѣты, извѣстныя подъ именемъ *купалокъ*; всякъ прячетъ отдѣльно собранныя имъ купалки и ожидаетъ, разцвѣтеть-ли распуколка его купалки или нѣтъ? Если вовсе не разцвѣтеть, то вѣрятъ, что скоро умретъ этотъ человекъ.

Думаютъ, что молоко у коровъ высасываютъ змѣи и лягушки, посланные вѣдьмами или чаровницами. Утверждаютъ, что эти змѣи являются возлѣ домовъ на другой день Купалы. Нѣкоторые опровергаютъ это тѣмъ предположеніемъ, что змѣи потому выходятъ изъ своихъ болотистыхъ логовищъ въ этотъ день, что въ это время года въ болотахъ цвѣтеть ненавистное имъ растеніе, извѣстное подъ именемъ: *Парыла*. Какъ-бы то нибыло, но дѣйствительно въ то время, когда разцвѣтаетъ трава *смолка*, коровы меньше даютъ молока, для предотвращенія чего хозяйки кормятъ коровъ такъ называемою травой *божіе кресло*.

Старики неохотно переносятся въ новопостроенныя дома, въ слѣдствіе того убѣжденія, что новый домъ *укоротитъ* старый ихъ вѣкъ.

Замѣчательно, что всѣмъ почти котамъ, (но не кошкамъ), особенно чернымъ, отсѣкають хвосты, думая, что въ хвостахъ—ихъ таятся нечистая сила.

Никогда не жгутъ той колоды, на которой рубать дрова, потому что считаютъ эту колоду орудіемъ чаровницъ и вѣдьмъ. Если неосторожная мать приспитъ свое дитя, то причиною этого несчастія полагають то, что будто-бы вѣдьмы подложили подъ кровать спавшей эту колоду.

Посѣщая мертвеца, стараются смотрѣть ему не въ глаза, а на ноги, думая, что въ такомъ только случаѣ онъ неприснится. Чтобъ облегчить старанія умирающаго, обмываютъ его грудь водою, поданною чрезъ окошко или же обкуривають сквозъ рѣшето липовымъ цвѣтомъ.

При досматриваніи пчелъ, не позволяютъ постороннимъ глазѣть на улья сквозъ заборы; въ противномъ случаѣ, говорятъ, пчелы сильно кусають бартниковъ. Если пчелы уходятъ, то бѣгущіе за ними постоянно присѣдаютъ и даже припадаютъ къ землѣ, думая, что отъ этого и пчелы осядутъ на землю.

Если гость приходитъ на короткое время, хозяйнѣ просить его садиться, чтобъ пчелы сѣдѣли въ ульяхъ.

Если какал-нибудь скотина заблудится въ лѣсу, то вколачиваютъ топоръ надъ дверьми дома, думая, что послѣ этого она возвратится, если только не попадется въ зубы какому нибудь хищному звѣрю.

Если волкъ ранитъ какое-нибудь домашнее животное, то непременно когда нибудь задушить его: такое животное называютъ намѣченнымъ (наслоненнымъ).

Если хотять растить, для расплodu, кушленнаго теленка, то его обливаютъ водой, растворомъ солью.

Думаютъ, что нехорошо давать что нибудь даромъ для расплodu или заведенія въ домъ: чрезъ это теряетъ дающій; по этому хотъ коуфйку да берутъ за дареную для размноженія животину.

Не позволяютъ оставлять въ иготи пестикъ, толкушку или въ ма-лотеръ (глиняная посуда, въ которой толкутъ макъ) *мяло*, въ противномъ случаѣ свиньи не будутъ водиться.

Новорожденнымъ дѣтямъ не дѣлаютъ рубашечекъ изъ новаго полотна, чтобъ они, выросши, не рвали скоро бѣлья.

На Крещеніе не ѣдятъ *предъ дымомъ*. То есть, до вечера не топятъ печи и ничего не готовятъ изъ сѣтнаго. Вечеромъ же, сѣвши за столъ, хозяйнѣ бросаетъ зерна ржи на всѣ четыре стороны комнаты, потомъ уже приглашаетъ свое семейство кушать. Покушавъ, хозяйнѣ сыновьями выходитъ на дворъ съ зажженною лучиной и замѣчаетъ, какую сторону бросается пламя. Вѣрятъ, въ какую сторону бросается пламя, оттуда лѣтомъ прилетятъ рои пчелъ; почему и улья весной приготавливаютъ по направленію къ этой сторонѣ.

Въ новый годъ, вечеромъ, дѣвицы пекутъ большой блинъ и съ нимъ направляются на скотный дворъ, гдѣ каждая изъ дѣвиць, закрывъ глаза, раздаетъ по кусочку блина скотинѣ; если дастъ блинъ волу, то думаютъ, выйдетъ замужъ въ томъ году, если-же коровѣ, то не выйдетъ.

Беременные женщины не посѣщаютъ родильницъ, опасаясь, чтобъ этого ихъ будущее дитя не родилось уродомъ.

Въ день 40 мучениковъ, дѣвицы, приплясывая переламываютъ сорокъ досокъ и разрываютъ сорокъ небольшихъ веревочекъ или шуровъ.

Въ день Великомученицы Варвары пекутъ изъ пшеничнаго тѣста

разныя изображенія головъ, роговъ, ногъ, копытъ и ушей, и кормятъ ими скотину, которая будто-бы отъ этого лучше плодится и водится.

Если какой-нибудь хозяинъ бросаетъ свой домъ и станетъ *волочить* ся, какъ бобыль, то родные его даютъ *на позвонокъ* (названы), думая, что отъ этого онъ образумится и возвратится къ своей семьѣ.

Очень интересно заговариваніе бѣлорусскихъ знахарей и знахарокъ отъ боли зубовъ.

Ведутъ больного на перекрестокъ, и обратившись лицомъ къ новому мѣсяцу (молодику) ведутъ съ нимъ (т. е. съ мѣсяцемъ) слѣдующій разговоръ:

Знахарь: Новы, новы мѣсячку!

Чы ты бы въ на небечку?

Мѣсяцъ: Бывъ

И перазъ бывъ.

Знахарь: А чы есть же людзи тамъ?

Мѣсяцъ: Есть! Я бачыхъ ихъ самъ.

Знахарь: Чы баяць ихъ зубы?

Мѣсяцъ: Не! мой любый.

Знахарь (обращаясь къ больному.) Нехайже и табѣ небаяць,

А якъ у ихъ сѣдзяць.

Къ числу предразсудковъ бѣлорусцевъ слѣдуетъ отнести и ворожбу или гаданье. Больше всего занимаются гаданьями дѣвицы, мечтающія о женихахъ.

Такъ, чтобъ угодать, кто будетъ ея мужемъ, дѣвица отправляется на перекрестныя дороги, и связавъ букетъ розъ, вынимаетъ изъ него розы по парѣ, приговаривая: *недзпя зъ панедзьякамъ, панедзьякъ за вторкамъ* (воскресеніе съ понедѣльникомъ, понедѣльникъ со вторникомъ) и т. д., наконецъ, дойдя до субботы, говоритъ: *субота адна и я адна*. Затѣмъ возвращается домой въ полной надеждѣ, что ей приснится женихъ. А сны очень важную роль играютъ при гаданьи или ворожбѣ.

Если кукушка кукуетъ близь дома, то это значить, что она предвѣщаетъ какое-нибудь несчастіе. По числу ея кукованій гадаютъ, кто сколько лѣтъ проживетъ, или когда дѣвица выйдетъ за мужъ. Кто услышитъ голосъ кукушки на тощакъ, тотъ весь годъ будетъ голодать; а кто имѣетъ при себѣ деньги на ту пору, тотъ будетъ имѣть деньги цѣлый годъ.

Кстати, говоря о кукушкѣ, приведу преданіе о ея кукованіи. Когда-то жила на свѣтѣ богатая княгиня, у которой была красавица дочь. Почему-то вздумалось княгинѣ выдать свою дочь за какого-то старика. Долго дочь противилась волѣ матери: умоляла, заклинала она мать всѣмъ свѣтомъ не выдавать ее за старика, но когда никакія мольбы не могли преклонить княгиню, то дочь рѣшилась наконецъ назначить день брака. Назначенный день насталъ; гости собрались, женихъ явился въ нарядномъ платьѣ; хватились—княжны молодой не было. Мать стала искать ее по всѣмъ комнатамъ; наконецъ пошла въ садъ, стала звать ее по имени, но княжны не было, и только въ отвѣтъ на зовъ княгини, раздался по саду какой-то странный хохотъ. Тутъ княгиня озлилась и, въ припадкѣ гнѣва прокляла свою дочь слѣдующими словами: такъ прячься жъ навсегда и откликайся вѣчно хохотомъ. Съ этихъ поръ княжна превратилась въ птицу и стала куковать (т. е. откликаться хохотомъ.)

Падающая звѣзда означаетъ предсмертный вздохъ какого-нибудь человѣка.

Если жеребенокъ или теленокъ играютъ при закатѣ солнца, то непременно ихъ задушитъ волкъ въ ту же ночь.

Если одно и тоже слово скажутъ вмѣстѣ два человѣка, то изъ этого заключаютъ о прибытіи гостя—лгуна.

Впрочемъ обо всѣхъ этихъ ворожбахъ и гаданьяхъ нужно замѣтить, что онѣ суть только остатки прежнихъ вѣрованій и въ настоящее время поддерживаются больше для забавы, чѣмъ для выраженія вѣры въ нихъ. Самъ даже народъ иногда смѣется надъ тѣми, которые слѣпо вѣрятъ имъ и видятъ въ нихъ осуществленіе своихъ надеждъ, желаній и предположеній. Есть даже присказка по этому случаю. Если кто нибудь, на основаніи извѣстной примѣты, гадаетъ объ исполненіи какого нибудь предположенія, то шуточно замѣчаютъ:

Бавки казу-зѣбли:

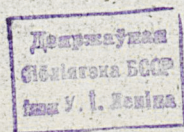
Ба ѣсди хацѣли.

Асталися роги
И чатыры ноги.
Баба варажска:
Будзець коза жива.

(Волки съѣли козу, потому что голодны были. Остался отъ козы рога да четыре ноги. Старуха ворожила, что коза будетъ жива.)

Въ послѣднихъ словахъ ясно говорится въ тонѣ насмѣшки на счетъ ворожбы или гаданья.

255464



ПИСЬМА ИЗЪ ЗА ГРАНИЦЫ.

Н. П. МУНДТА.

Зальцбургъ 2/14 Июля 1854 года.

Я располагалъ пробывать въ Дрезденѣ не болѣе одного дня, а прожилъ шесть. Изъ всѣхъ городовъ Германіи Дрезденъ имѣетъ какую-то особенную прелесть; онъ нравится мнѣ и своими узкими улицами, и пяти-этажными домами, почернѣвшими отъ времени, и Цвингеромъ съ его прекрасными садами, и Эльбою и наконецъ очаровательною Брюлевскою террасою. Я люблю его жителей добрыхъ, простодушныхъ, въ которыхъ нѣтъ ни жеманства, ни излишней самонадѣянности, какъ у почтенныхъ ихъ сосѣдей берлинцевъ. Однимъ словомъ, Дрезденъ чудный, патриархальный уголокъ Германіи, и вотъ почему всегда такъ трудно разстаться съ нимъ, когда однажды въ него попадешь.

Первый визитъ мой былъ къ почтенному доктору Оксу, который послѣ двадцати-лѣтняго пребыванія у насъ въ Петербургѣ, переселился на родину въ Саксонію; онъ обрадовался мнѣ какъ брату, спрашивалъ о своихъ петербургскихъ знакомыхъ и говорилъ, что хотя тихая дрезденская жизнь очень ему нравится, но что онъ часто вспоминаетъ о Петербургѣ, увѣряя, что нигдѣ нельзя жить лучше и пріятнѣе, какъ въ Россіи. Это слышу я ужъ не отъ перваго изъ иностранцевъ, знакомыхъ съ нашею Русью: года два тому мнѣ говорили тоже самое въ Парижѣ многіе французы, искренно вздыхавшіе о Петербургѣ. Отъ Окса я отправился въ галерею взглянуть на Сикстинскую мадону и



80000002739754